

МАКСИМ
ЗАМШЕВ

Максим Замшев

Вольнодумцы

«Издательство К.Тублина»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Замшев М. А.

Вольнодумцы / М. А. Замшев — «Издательство К.Тублина»,
2023

ISBN 978-5-8370-0938-9

Как связаны загадочное убийство студентки и активистки оппозиционного молодёжного кружка и давняя смерть подростка под колёсами электрички? Сорок лет разделяют эти трагедии, но что-то их при этом объединяет, и понять это предстоит нежданно оказавшемуся в гуще событий благополучному директору библиотеки. Роман Максима Замшева полон тайн, однако это не просто детектив с неожиданной развязкой, но книга, ищущая ответы на самые животрепещущие вопросы современности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0938-9

© Замшев М. А., 2023
© Издательство К.Тублина, 2023

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Максим Замшев

Вольнодумцы

© Максим Замшев, текст, 2023

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2023

© А. Веселов, обложка, 2023

www.limbuspress.ru

Часть первая

Февраль 2019 года

День был полон вязкого снега и внезапного горя. И вот теперь, в этом неприятно покачивающемся купе, он совсем растерялся. Молил Господа, чтобы всё кончилось хорошо.

Слепая, бессмысленная мольба.

Подобно многим русским мальчикам, он рано начал негодовать от бездействия Бога. Если Он есть и Он всемогущ, почему чудесные люди страдают, а мерзавцам выпадают длинные, сытые и весёлые судьбы? Как Он это допускает?

Но сейчас просить о пощаде некого.

Такое не часто случается, но купе с ним никто не делил. Нераспакованные комплекты белья в целлофановом смирении лежали на двух верхних полках и на соседней нижней.

Он выключил весь свет. Надеялся, темнота подействует успокаивающе. На грязноватом окне – трогательные, почти декоративные шторы. Вдали, сквозь толстое стекло, поблёскивали огни фонарей. Что они освещали? Многокилометровые автобаны с белой разметкой, где автомобили подчёркивают всеобщее отчуждение; крошечные посёлки с сиротскими избами, в которых ставни годами заколочены, а на стенах тут и там приклеены много раз уже вымокшие объявления о продаже; бензозаправки с невкусным кофе и чёрствой выпечкой, стаи собак, рыскающих в поисках пищи, или что-нибудь ещё, диковинное и невиданное, чего себе не представишь?

Мимо стремительно проносились невесёлые полустанки с пустыми перронами. Ему не прочесть их названия на такой скорости, но где-то на картах, в расписаниях, в паспортах местных жителей они значились.

В дверь с дежурной настойчивостью постучали. Он нехотя встал с жёсткой неудобной полки, отодвинул дверную панель. Проводница принялась выпрашивать, не желает ли он чаю или купить сувениры. Голос звучал так, словно внутри у неё ожил портативный магнитофон. Он попросил принести один стакан чая с лимоном. От сувениров отказался.

Горькие мысли о болезни сестры, о её тяжкой участи сменялись беспокойством за любимую девушку, которая, слава Господу, здорова, но то, что он недавно узнал о ней, крепко расстраивало. Надо же ей заниматься такой чудовищно опасной чепухой! Да и он ещё, старый дурак, потекает ей.

Двойная тревога. Двойная боль.

Всё страшно, всё серьёзно, всё, скорее всего, кончится плохо. И он не в состоянии противостоять этому. Он утратил что-то. Он совсем к этому не готов, сейчас это ясно. Боже! Верни! Ты так часто забирал!

Когда-то у него были и брат, и сестра.

Но Веня попал под электричку. Давным-давно он живёт без старшего брата. Только сестра. После смерти родителей единственный родной человек. И она – в беде.

Он плохо помнил своё детство, слишком ровным и счастливым оно выдалось. От него сперва, разумеется, как от маленького ребёнка, гибель брата утаивали. Потом отец ему открыл правду, убедив, видимо, себя, что благодостный обман больше ни к чему. После этого день за днём, год за годом боль избывали тем, что не будили её. Он привык, что смерть Вениамина просто факт, ни с чем не связанный и ни на что не влияющий. О ней никогда никто не напоминал.

С каждым часом, проведенным им в этом купе, духота нарастала. Воздух, теряя кислород, набирался тягостной силы, наваливался на него всей своей плотностью, душил, сковывал грудь. Он дышал как можно глубже.

В детстве он иногда задыхался ни с того ни с сего. Почему это происходило – он не помнил, но повторения той паники боялся по сей день. Сейчас потребовалось немало усилий, чтобы дыхание хоть как-то восстановилось. Тень того старого ужаса едва не воскресла.

Колёса между тем застучали яростнее, будто у них кончались силы и надо было дотянуть до ближайшей станции во что бы то ни стало. Внутри поезда что-то заскрежетало, купе резко качнулось, и комплект белья, шурша целлофаном, свалился с полки на пол.

* * *

Сегодня, несколькими часами ранее, сестра, как он её ни отговаривал, поехала с ним на вокзал и оставалась на скользком, заваленном окурками перроне до самого отправления поезда. Потом, когда он зашёл в вагон, отыскала окно его купе и смотрела через стекло со спокойной ясной любовью. Как всегда. Во взгляде – ничего необычного. Будто всё как надо. Энергично и почти дежурно помахала ему на прощание. Так машут, когда расстаются на короткое время.

Ему не нравилась Самара. Он жалел, что Вера вышла замуж за самарца и поселилась в этом волжском разлапистом, вытянутом, но в то же время тщетно стремящемся к вертикальности городе. Он с трудом принимал, что его сестра, очевидно, счастлива в Самаре, сжилась с городом, прикипела к нему. «Почти ничего московского в ней не осталось», – иногда расстраивался он. Сама Вера, кстати, этого не поддерживала. Настаивала, что оба города для неё важны. Но жила тем не менее в одном. Хорошо, что не в Нью-Йорк подалась. До Самары меньше двух часов лёта. Хотя вряд ли на планете Земля существовало расстояние, способное ослабить их кровную молчаливую связь.

Иногда завидовал ей: он до самой смерти родителей жил с ними, и это во многом сдерживало его, разжижало, мешало нащупать своё, то, что нужно только ему. А когда они исчезли из мира этого, перейдя в мир иной, оказалось, что ему поздно начинать то, чего он ещё не начал. Семья, дети, устройство быта, социальный рост – ему, на тот момент уже давно разменявшему пятый десяток, всего этого толком не успеть. Прежде его отношения с женщинами не приводили к чему-то серьёзному из-за распространяемой на него оберегающей и в то же время подавляющей воли отца и всегда согласной с ним матери. Это не позволяло ни одной претендентке вылепить из него главного мужчину своей жизни.

Конечно, полюби он сам навзрыд, безвозвратно, то ничего бы не помешало этому чувству. Но он, человек начитанный и тонкий, такую любовь боязливо полагал реальной лишь в книгах.

После того как вышла замуж, сестра сразу, без обсуждений, уехала из родного дома и родного города, но отношения с братом и родителями сохранила теплейшими. Часто навещала их, звонила обязательно каждый день, какими бы хлопотами ни была поглощена. И это не мешало ей строить семью, растить детей, отлаживать быт, всё помнить, всё предусматривать, никогда не показывать, что чем-то удручена, никогда не срывать свою досаду на других.

Её муж занимался писательством ещё до развала страны, очень рано по меркам тех лет вступил в Союз писателей СССР и на местном самарском уровне звездил не на шутку, собираясь вот-вот засиять и на всесоюзном небосклоне. Новую жизнь, наступившую после 1991 года, молодой литератор впитывал тяжело, но к середине девяностых освоился, купил небольшую типографию и даже немного разбогател. Потом полиграфическое производство местные бандюганы отжали, но он не унывал: всё время чем-то занимался, и порой весьма успешно. С Верой у них родилось двое детей, мальчик и девочка. Евгений, старшенький, как только

женился, съехал от родителей, но относился к ним весьма трогательно – навещал, заботился. Лизка же, младшая, с этого года училась в Питере и давала о себе знать лишь по необходимости или когда заканчивались средства. Вера, иногда шутя, иногда почти всерьёз, рассказывала, что Лизавета изображала нестерпимую обиду на родителей, якобы они приспособленцы, никогда ничего не противопоставляли омерзительному путинскому режиму, ни за что толком не боролись, кроме своего мнимого благополучия, и посему жизнь прожили зря. Ей, как она декларировала, с ними не по пути.

Говоря об этом, Вера неизменно вздыхала и качала головой.

Скоро ли Вера посвятит Лизу в то, что с ней случилось? Об этом они не говорили.

Лиза, её нрав, повадки, всегда импонировала ему. Он жалел, что теперь у неё с родителями всё так напряжённо. Но дело молодое. Может быть, ему не хватало всю жизнь этого раннего бунта против старших?

И вот он едет в поезде в Москву, а сестра осталась в Самаре, больная, несчастная, удручённая, ищущая силы для борьбы.

По купе бродил сон, подстерегал его, высматривал как добычу, подбрасывал воображению свои заставки. Привиделась волжская набережная в Самаре, одно из немногих там мест, не лишённых изящества. Парапет вдруг разомкнулся и медленно, как в рапидной съёмке, обрушился в Волгу, разбрасывая шумные и сильные брызги, обладающие фантастической силой и сметающие все строения на берегу – от прибрежных палаток до высоких домов. А зелёная полоска острова вдалеке с нереальной скоростью разрослась почти до неба, целиком закрыв его собой. Его засасывало болото вязкой дрёмы, кошмар пугал, походил на модный апокалиптический кинопроект, веки его тяжелели, он, засыпая, всё же силился вернуться в реальность, но беспомощно проигрывал в этой битве. Если бы не голос проводницы, он бы проснулся, возможно, только утром.

– Чай, пожалуйста. – Женщина, не обратив внимания, что пассажир спит, зашла в купе, включила свет и поставила на стол стакан в алюминиевом подстаканнике.

Он открыл глаза. Ужас разрушения не отпускал. Купе, проводница, весь антураж – совершенно незнакомы. Где он? Секунды текли, он застрял между сном и явью. Наконец всё встало на свои места.

Проводница оглядывала его, как ему показалось, с насмешливым осуждением. «Вот, мол, заказал чай, а сам дрыхнет».

– Восемьдесят рублей.

Он сунул руку в боковой карман брюк, нащупал тонкую пачку, вытащил её, отделил сильно смявшуюся сторублёвку и дал проводнице. Она сообщила, что сдачу потом принесёт, он отрицательно замотал головой: не нужно.

– Скажите, а вагон-ресторан работает?

– Работает, а чего же ему не работать? – Доблестная служащая РЖД улыбнулась, на секунду обнажив золотую коронку.

– До каких?

– Надраться все успевают. – Она явно претендовала на панибратство.

Судя по запаху, не исключено, что сама уже дёрнула. Хотя вряд ли. Сейчас с этим строго у них. Это в девяностые они и сами пили, и продавали, и пассажиров за мзду брали в своё купе. Просто такая тётка попалась, любящая позубоскалить.

Она вышла, оставив дверь в купе чуть приоткрытой.

Он сделал глоток, обжёгся, решил подождать, пока остынет. Вкус лимона куда-то потеплялся.

Вагонная тряска не ослабевала. Ложка в стакане немного позвякивала, а сам стакан чуть-чуть двигался к краю стола. Он смотрел на это как замороженный.

* * *

Всё это время, после того как полковнику полиции Ивану Елисееву доложили, что внушка его начальника, генерал-майора Крючкова, пропала, он сам просматривал все сводки, надеясь втайне, что Вика Крючкова всё-таки найдётся сама по себе, что нигде не отыщется её труп и что какие-нибудь отморозки не объявят о выкупе. Мало ли почему отключён телефон? Может, зря генерал так настроен? Один день всего. Однако Крючков выяснил, что на учёбе её нет, съездил к ней домой – там тоже. И понеслось. Сослуживцы говорили ему, что один день – это ничего страшного, что рано подключать полицию, но он только мотал головой и настаивал. Ссылался на то, что они опоздают, что она никогда не нарушала обещание писать ему каждый день, что она не может не сообщить ему о себе просто так, только если что-то случилось, будто уже заранее знал: всё плохо. За долгие годы работы в полиции Елисеев приучил себя не поддаваться эмоциям – они только мешали. Но сейчас внутри всё бушевало, и справиться с этим пока трудно.

И вот теперь к нему в кабинет, в кабинет заместителя начальника Главного следственного управления МВД России по Москве, придут участники будущей следственной группы по делу об убийстве Виктории Крючковой. Придут посмотреть друг на друга, примут распределение ролей, удостоверятся, что дело особое и нет ничего важнее, чем довести его до конца. Почти как с любым другим делом. Почти.

Подозреваемые уже арестованы. Опера из отделения Раменки, несомненно, довольны таким поворотом: чем быстрее удаётся поймать виновного, тем скорее следователи приступят к работе, а опера займутся чем-то другим. Вероятно, они в недоумении от того, что их попросили прибыть в ГСУ, да ещё в неурочный час. Зачем?

К вечеру здание Управления опустело. В коридорах не суетились люди, из открытых дверей кабинетов не доносились разговоры.

Елисеев пил уже третью чашку растворимого кофе, и, хоть каждый раз насыпал две ложки, напиток не бодрил. Представлял, что сегодня пришлось пережить его шефу. У него самого не было детей, но родители здравствовали, и он даже мысль о том, что рано или поздно останется без них, яростно отгонял. А тут внушка... Говорят, любовь к внукам сильнее, чем к детям...

Следственная группа наконец собралась. Информации пока немного, в основном то, что сообщил о погибшей её дед.

Из докладов судмедэкспертов и комментариев следователей складывалась первичная картина преступления. Картина, честно говоря, малообъяснимая, со множеством странностей.

Тело Вики обнаружили случайно. Оперативники Раменского УВД получили сигнал об одном наркопритоне и поехали брать торговцев. Когда, повязав хозяев с поличным, они зашли в ванную, то увидели мёртвую девушку, утопленную в холодной воде. Судя по первым признакам, тело там пролежало совсем недолго, хотя, когда труп находится в холоде, процесс разложения замедляется. Сначала думали, это очередная наркоша, из числа тех, что ошиваются на наркохатах, но потом, приглядевшись, признали ту, что проходила в свежих ориентировках. (Крючков настоял, чтоб фотографию Вики разослали по всем отделениям.) Держатели притона сначала угрюмо молчали, а потом заявили, будто только что возвратились домой из Майкопа, где навещали больного отца, и не успели даже руки вымыть, как к ним ворвались полицейские. Всё происходящее для них – полный ужас. Они никогда не видели эту девушку прежде. Как она попала в квартиру, для них – загадка. Причастность к изъятым наркотическим веществам хозяева также отрицали. Мол, кто-то подбросил. Однако эту песню запевают почти все, кого ловят с поличным на наркоторговле.

Вику сначала, по всей видимости, задушили, потом погрузили в ванну, чтобы изобразить, будто та под дурью утонула сама. Вены исколоты, но при первом же взгляде не оставалось сомнений, что делали это быстро и небрежно, и явно не сама девушка. Ни один мало-мальски опытный человек, глядя на её руки, не заподозрил бы, что она наркоманка. Однако кто-то, пусть крайне неумело и даже глупо, но всё же толкал следствие к версии, что Вика умерла от передоза? Почему всё так нелепо? Убийцу кто-то вспугнул? Помешал закончить имитацию естественной смерти? Но зачем? Следы на горле сразу же говорили об удушении. Тогда разумнее было бы инсценировать повешение. Или это только фантазия и на самом деле никто ничего не инсценировал? Что тогда?

Хозяев квартиры, разумеется, отправили в камеру. Хранение наркотиков! Как ни отпираться, нашли зелье именно у них. Тем более за двумя братьями- адыгейцами по фамилии Рахметовы тянулась масса тёмных делишек. Старший даже отмотал срок за мелкую кражу несколько лет назад.

Никакого сопротивления захвату и последующему аресту они не оказали. Их предстояло ещё допрашивать, проверять алиби, сверять отпечатки. Завтра будет вскрытие тела Вики, эксперты проанализируют всё, что удалось собрать, следователи займутся просмотром записей с камер, примутся искать малейшие зацепки, способные доказать виновность арестованных. А сделать это будет ох как непросто. Совсем не факт, что Рахметовы – убийцы. Зачем им душить внуку генерала и оставлять в собственной ванне? А если кто-то подставляет их? Но зачем?! Елисеев поражался абсолютной нелогичности преступления, будто кто-то взял и объединил разные дела в одно без всяких на то оснований, но упорно при этом доказывает, что они связаны.

– А где те опера, что получили сигнал о наркопритоне? – спросил Елисеев у майора Давида Шульмана, одного из самых опытных и удачливых следаков в их Управлении.

– Здесь, товарищ полковник, ждут в коридоре, – бодро отреагировал Шульман.

– Пусть зайдут.

Два молодых парня неуклюже, что выглядело забавно при их атлетичных комплекциях, прошли в кабинет и встали недалеко от двери.

– Доложите подробно, что за информатор вас вывел сегодня на наркопритон, где... – Елисеев осёкся, не поворачивая язык назвать Вику трупом, – где произошло другое преступление.

Один из оперативников почему-то смутился, второй начал несколько лениво объяснять:

– Сегодня утром на связь вышел один из моих агентов, Тигран Алиханов. По его сведениям, на этот адрес ожидалась большая партия наркоты.

– Почему не представились? – Елисеев начинал злиться младший по званию. С чего этот опер цедит слова так, будто объясняет двоечникам урок по десятому разу?

– Капитан Багров. – Ни малейшей попытки изобразить почтительность.

– Лейтенант Соловьёв. – Этот вёл себя вежливее. В их паре он явно ведомый.

– Почему вы ему сразу поверили?

– Он никогда не давал пустых наводок.

– И вот так сразу решили ехать брать?

– А что не так? Там наркоты ведь уйма. Да эти суки ещё и девушку уморили.

– Как вы разговариваете со старшим по званию? – наконец вмешался Шульман.

– Виноват, товарищ майор.

Елисеев устало потёр глаза. Ввязываться в перепалку не солидно. В конце концов, опера правда недоумевают. Они свою работу сделали. Задержали Рахметовых чётко, без форс-мажора. Сообщили о трупе. Но всё равно здесь что-то не так. Что-то не сходится. Так слепо доверять информатору...

– Когда он передал наводку?

– Сегодня днём. Часов в двенадцать или позже. Точного времени сказать не могу. Не помню. Не до этого было. Но мы отреагировали сразу. Получили санкцию – и вперёд. Если бы тянули, они бы уже распродали всё. – Багров всё больше раздражался, но старался сдерживаться.

– Так быстро такую огромную партию? Не лучше ли было выяснить всех покупателей? – Елисеев не стал дожидаться реакции Багрова, чтобы не оставить тому возможности возражать. – Надеюсь, вы знаете, где он живёт, этот Тигран. Съездим, пожелаем ему спокойной ночи. – Елисеев поднялся, давая понять остальным участникам совещания, что на сегодня всё.

Он мог бы что-то уточнить для судмедэкспертов, кинолога, молодого следователя Сергея Туманова, также входящего в группу, но они в этом не нуждались. Все люди опытные. Всем известен свой манёвр и свой участок работы.

Поехали на машине полковника. Пробки ещё не рассосались, и Елисеев вёл автомобиль нервно, время от времени чертыхаясь. Февральская Москва выглядела замызганной, утомлённой, безрадостной. Небо давилось искусственным светом города.

Осведомитель жил в районе Мосфильмовской улицы, в блочном, но довольно респектабельном по московским меркам доме. В квартире они Алиханова не застали. Им долго не открывали, потом взъерошенная женщина, видимо жена, недовольно пробурчала через щёлку (дверь она поставила на цепочку), что он пошёл в аптеку: голова разболелась, а таблетки нет.

Они решили не вламываться. Похоже, тётка не врала. Если в аптеку – скоро вернётся. Так и вышло. Спустились во двор. Минут через двадцать он вышел из-за угла и не спеша направился к своему подъезду. В руке он держал маленький фирменный пакетик аптеки «36,6». Смотрелось это немного комично. Быстро, видимо, голова прошла. Багров окликнул его:

– Эй, Тигран! Поговорить надо.

Информатор явно насторожился, увидев, что опер не одни. Смирненно сел в припаркованную неподалёку машину. Опера остались снаружи, готовые в любой момент присоединиться к следователям.

Заместитель начальника ГСУ, не глядя на Тиграна, бросил:

– Откуда у тебя инфа, что в квартиру Рахметовых завезут столько наркоты?

Алиханов ответил, не задумываясь:

– Так два торчка туда собирались. Это знатные торчки. Они всегда в курсе, где товар появляется. Они, похоже, не только сами ширяются, но снабжают ещё кого-то. Я их расспросил, что да как...

– А чего это они с тобой разоткровенничались?

– Сказал, что мне самому нужно. Вот они и посоветовали.

– Трогательно. Они взяли и поверили, что ты такой же, как они?

– Убедил. Они мне доверяют.

– Почему? – Полковник стремился поставить Тиграна в тупик, чтобы оценить, врёт ли тот.

– Они часто ошиваются у Дорогомиловского рынка, где у меня точка. Как-то я – ради дела, разумеется, чтобы контакт с ними улучшить, – пожрать им дал.

– В смысле?

– Голодные они были.

– Где же они деньги на наркоту берут?

– Где-то берут...

– Что о них скажешь?

– Имена, фамилии и адреса не спрашивал. Одного кличут Толяном, второй – Тузик. Смешно – правда? Тузик... Они говорили, многие собираются закупиться.

– Прямо магазин какой-то. Хоть вывеску прикрепляй.

– Обычное дело. Вы не в курсе? Это только в кино наркотой торгуют по-особому. В жизни всё просто. – Он то ли усмехнулся, то ли поморщился.

– Ладно. Свободен.

Алиханов ещё некоторое время посидел молча, будто собираясь в чём-то признаться, потом аккуратно открыл дверцу и, не обращая никакого внимания на Багрова с Соловьёвым, пошёл к своему подъезду.

Елисеев, говоря с ним, с трудом сдерживался, чтоб не врезать ему по морде!

Оперативников, весьма ошарашенных происходящим – можно же засветить агента, – Елисеев и Шульман отпустили.

– Ну, что скажешь? – Полковник курил крайне редко, но сейчас был как раз такой случай. Пепел стряхивал в открытое окно. Наедине они с Шульманом переходили на «ты». При подчинённых полагали это излишним. Хотя с годами «ты» укоренилось между ними всё больше.

– Жаль генерала.

Елисеев никак не отреагировал. Давид редко сразу говорил то, чего от него ждали. Иван выпускал дым, рассматривал его – густой.

– Я смотрю, тебя тоже не впечатляет идея с братьями-убийцами? – Шульман принял вид чуть ли не мечтательный. Его мимика почти никогда не соответствовала ни его словам, ни его мыслям.

Елисеев угрюмо кивнул.

– Однако найдутся ведь те, кто примется их колоть, вышибать показания? Или нет?

– Пока дело у нас, – Елисеев жадно затянулся, – беспредел никому не позволю. Если в этом деле невиновные возьмут вину на себя – грош нам всем цена.

– Это ясно. Удивил! Я как бы в курсе. Хм... Но сам понимаешь. Ты не министр внутренних дел. Ладно... Давай сначала попробуем начать. Всегда полезно. Что нам известно о Вике? – Шульман немного поёрзал, стремясь сесть поудобнее. – Дедушка – генерал-майор Крючков, родители служат по дипломатической части, сейчас в командировке в Сербии. Училась в РГГУ. Жила в родительской квартире на Цветном бульваре. С дедушкой и бабушкой отношения тёплые, часто ночевала у них. Потом бабушка умерла. Отношения между дедом и внучкой сохранились, но чаще раза в неделю она у него не бывала. Жила самостоятельно, но без проблем, никаких происшествий, загулов, наркоты и прочего. Это всё со слов генерала. Но ничего другого не имеется. Как она попала к Рахметовым – непонятно. Такие девушки по таким местам не ходят. Однако её одежда аккуратно висела на вешалке. Загадка.

– И мобильный телефон её исчез.

– Да. У арестованных братьев его нет.

Полковник выбросил сигарету в окно.

– Одни домыслы. Тебя подвезти куда-нибудь?

– Не надо. У меня тут ещё парочка дел образовалась.

Шульман вылез из автомобиля. Дверь не закрыл. Пришлось Ивану тянуться через весь салон.

Елисеев не стал ничего спрашивать у Давида. Шульман любил работать в одиночку. Это вызывало у начальства неизменный гнев, в том числе и у самого Елисеева, пока он не привык, что майор неизменно достигает результата и лучше ему не мешать.

* * *

Он ни в чём не мог отказать Майе. И виной тому не её настойчивость, а его убеждённость, что, не исполни он что-то, между ними всё кончится. Надо сказать, до последнего времени её желания не отличались излишней прихотливостью.

И когда она попросила, чтобы в его директорском кабинете в библиотеке собрались её друзья, поскольку им негде обсудить одно важное дело, он тут же согласился, не успев осмыслить странность подобной просьбы. Он удивился, когда Майя пригласила его присутствовать. Какое он имеет отношение к ним, к их делам? И представила она его диковато: городской служащий, сочувствующий нам.

До того дня он едва ли мог себе представить, что она – член тайной антиправительственной молодёжной организации. Хотя какая она тайная, если они так легко пустили его на свои собрания? Выходит, он ничего про неё не знал? Спал с ней и не знал?

Его потрясение от услышанного на сборище было таким сильным, что он и не попытался возразить, когда Майя решила собрать всех в следующий раз здесь же, в его кабинете.

Похоже, в горячих и бестолковых головах будущих революционеров радостно созрела неосмотрительная мысль, что здесь они в полной безопасности. Они думают, что в органах работают такие же идиоты, как показывают в сериалах. Весь фильм идут по ложному следу, а потом их осеняет? В жизни вряд ли всё так. И он не даст и ломаного гроша за то, что их ещё не выявили и не разрабатывают. За себя он не боялся, что-нибудь придумает. Но Майя-то сознаёт, во что ввязалась? Исключением из РГГУ дело точно не ограничится. Хотя и его могут прижать. Кому интересно разбираться? Покрывал – значит, виноват.

В тот вечер, два дня назад, после сбора вольнодумцев Майе захотелось проветриться – душно очень было в его кабинете. Она, или не чувствуя раздражения любимого, или делая вид, что не чувствует, как ни в чём не бывало спрашивала, как ему показались её друзья. Он отвечал уклончиво, ребята, мол, интересные, но разговоры ведут странные. Майя в ответ взвилась:

– Да сейчас почти вся молодёжь об этом говорит! Если мы не будем оказывать организованное сопротивление режиму, то... – она потратила несколько секунд, чтобы сформулировать, – всему придёт конец. Вся эта нечисть восторжествует.

– Какая нечисть?

– Все эти путинисты, чиновники, коррупционеры.

– Ты преувеличиваешь.

– Тебе, конечно, виднее. Вот с нами, например, внучка крутого генерала полиции, Вика Крючкова, симпатичная блондинка, что у окна сидела. Полностью разделяет наши идеи. Ты её наверняка заметил. Она красавица. Моя однокурсница, кстати. Она тоже преувеличивает?

Он действительно обратил внимание на девушку, которая вела себя активно, твердила, что они мало работают в соцсетях, что надо кидать в Сеть протестные пост за постом, наращивать аудиторию, что Навальный действует неправильно, слишком топорно, что через соцсети провернули арабскую весну, а мы чем хуже? Ей возражали: так их легко вычислят, но блондинка только морщилась в ответ.

– И в чём ваша цель? – Он пока не выбрал, как ему с ней себя вести: будто ничего особого не произошло или же продемонстрировать своё подлинное отношение к этому бардаку.

– Собрать как можно больше людей.

– Для чего собрать?

– Ты сегодня невыносим. Думала, ты сочувствуешь протестам.

– С чего это?

– Иначе я бы тебя не полюбила.

Она впервые тогда сказала о любви к нему; так, впроброс, небрежно, как будто это и не особо знаменательно.

Раньше, в юности, он частенько не мог заснуть. Мысли и впечатления переполняли, вытесняли сон. Потом он наловчился справляться с этим: почитать книгу, послушать барочную музыку (особенно нравился Куперен с его самой изысканной из современников мелодикой), а если уж не получалось выспаться, он не разрешал себе спать днём, чтобы к вечеру падать с ног.

Но в ту ночь, после ошеломляющего явления Майи в образе смутянки, бессонница, как строгая учительница без косметики, вся в сером, металлическим голосом диктовала свой диктант и ни одним намёком не выдавала, скоро ли последнее предложение.

Он размышлял о том, что ему выпало наблюдать. Что это вообще за идиотизм – собираться и обсуждать, как они начнут организовывать митинги? Они надеются, что власть испугается их, осознает свою ничтожность, дрогнет и уйдёт сама? Бред! Или он не разобрался и они готовят себя к роли мучеников? Не похоже.

Конечно, не только о протестах они говорили. Там слышалось что-то ещё, иное, сильное, безжалостное, уверенное в своей правоте. Восстанавливая в памяти сегодняшние разговоры, он немного жалел, что не принял в них участие. Вероятно, если бы он не был так поражён, мог бы порассуждать кое о чём с ними на равных. Майя не так уж и не права. Он и сам всё чаще задаётся вопросом: куда всё катится? Но что бы они о нём подумали? Кто он? Наверняка сейчас расспрашивают у Майи в каких-нибудь чатах, кто он ей. От этих мыслей ему стало противно, будто поймали за чем-то постыдным. Нет. Всё же они опасные глупцы.

После смерти сначала папы, а вскоре мамы он в квартире пользовался только своей комнатой. В остальных ему как-то нечем было заняться, заходил изредка, старался ничего не трогать, и комнаты постепенно приобретали всё более нежилой вид. Майя же, навестив его жилище впервые, освоилась в гостиной на удивление быстро: сразу взялась что-то перебирать на старом массивном комод, переставлять в книжном шкафу, не реагируя на его вялые протесты и объяснения. Добралась и до родительской спальни, правда, там хозяйничать постеснялась, словно те, кто здесь когда-то спал, вот-вот вернуться и укорят её за то, что прикасалась к их вещам.

Её поведение расстроило, показалось беспардонным, но уже после ухода Майи он открыл для себя, что его снова ничего не пугает дома, будто здесь никогда не гостила смерть. Вещи, умершие для него вместе с родителями, внезапно ожили. Выходит, девушка оказалась права. Смерть уходит от нас вместе с теми, кто умер. Задерживать её ради памяти – глупо. Память об ушедшем внутри нас, и ей не требуется ничего внешнего, никаких зацепок, артефактов, уловок...

Поняв в ту ночь, что скоро не уснёт, он устроился в гостиной с новым романом Водолазкина, которого всегда читал в охотку, но смысл предложений ускользал. Пришлось отложить том в белой обложке с загадочным названием «Брисбен».

Майя и её друзья живут с уверенностью, что сторонники нынешнего режима уже старятся, теряют силы и скоро уйдут в небытие. Этим, по их мнению, необходимо воспользоваться. Они обмусоливали свою идею со всех сторон, видно было, что не первый раз. Компания делилась на тех, кто рекомендовал не торопиться и выжидать, и на тех, кто требовал решительных действий. Кстати, блондинка, что, как выяснилось, приходилась внучкой какому-то полицейскому начальнику и училась вместе с Майей в РГГУ, придерживалась радикальных взглядов. Забавно! Ей-то чего не хватает?

Голод, верный спутник стресса, напомнил о себе ближе к двум часам ночи. В холодильнике, как назло, ничего не нашлось. Он открыл пачку гречки, насыпал в кастрюлю, залил водой и поставил на средний огонь. Придётся подождать, пока сварится.

Он положил три подушки одна на другую и удобно устроился перед телевизором. По каналу «Звезда» демонстрировали советский прибалтийский детектив «Двойной капкан». Снято было качественно, и он засмотрелся. Прибалтийские детективы – особая статья советского кинематографа. В них большинство прибалтов любит русских и советскую власть как избавителей от всего самого плохого, а проклятые европейцы постоянно пробуют эту любовь подорвать. Здесь милиционеры назначают встречи в барах, делают это неохотно, но им по долгу службы надо знать, как ведут себя прожигатели жизни, как тратят незаконно нажитые сред-

ства... Только острый дух из кухни заставил его чертыхнуться и побежать выключать огонь. Гречка, слава богу, пригорела не сильно.

Еду принёс в комнату. Разместил тарелку на прикроватной тумбочке. Вспомнил, как мать всегда ругалась с ним из-за этого, призывая трапезничать или в столовой, или, на самый крайний случай, на кухне. «Это неправильно – есть там, где спишь. Потом крошки, пятна. Анти-санитария», – сокрушалась она. Хозяйственные дела были чуть ли не единственной областью, где она не заставляла себя делать всё, как отец, думать обо всём, как отец, приходить к таким же, как он, выводам.

Фильм между тем захватывал всё больше, и, когда злоумышленников разоблачили, он даже расстроился. Смотрел бы ещё и смотрел.

Притягательна советская жизнь на экране, где добро всегда одолевает зло, где все чётко осведомлены, кто друг, а кто враг, и кого надо жалеть, а кого нет.

Наконец он уснул. Снилось, кто-то куда-то его зовёт, называя Шепелевым. Во сне он удивлялся: почему Шепелев, ведь он же Шалимов... Артём Шалимов.

Вера позвонила в девять утра. Минута в минуту. Голос её звучал с обычной спокойной твёрдостью. Однако сама просьба появиться в Самаре как можно быстрее и нежелание что-либо сообщать по телефону не оставляли сомнений: случилось нечто из ряда вон.

Ближайший рейс на Самару из Домодедова в 19.10.

Он написал Майе, которая, по его предположениям, в тот момент томила на первой лекции в своём РГГУ, что ему надо срочно навестить сестру и его несколько дней не будет в Москве. Его любимая сразу же перезвонила. Голос взволнованный. Судя по всему, занятия она прогуливала. Вряд ли во время лекции разрешают разговаривать по телефону.

– Как несколько дней? – Голос звучал возмущённо. – Не забыл, что послезавтра мы снова собираемся у тебя? Нас же туда не пустят! Вернись, пожалуйста, чтобы успеть нас принять. Умоляю тебя!

Артём заверил девушку, что к утру послезавтрашнего дня вернётся. (Конечно, он мог попросить Сашу Синицына открыть им кабинет, учёному секретарю библиотеки он доверяет, но Майя восприняла бы это как оскорбление. Такое важное дело поручить незнакомому ей человеку!)

После его слов она успокоилась, затараторила, что нежно целует его и ждёт. А потом ещё прислала кучу сообщений с поцелуйчиками.

Он зашёл на сайт РЖД и купил себе билет на завтрашний вечерний поезд из Самары в Москву. Это был единственный вариант вернуться в Москву так, чтобы не сорвать мероприятие друзей Майи. На подходящий авиарейс билеты уже распродали.

В тот день он ненадолго заехал на работу, захватив с собой дорожную сумку с вещами, чтобы уже не возвращаться домой. Выполнил все необходимые для предстоящей короткой отлучки формальности и вызвал такси в аэропорт.

В Домодедове изнуряюще долго, вместе с неприятными кургузыми людьми, простоял в очереди на регистрацию, проклиная себя, что поленился зарегистрироваться онлайн. Незадолго до вылета позвонил мужу Веры, попросив не встречать его – он спокойно доберётся на такси. Тот запротестовал: нет, это невозможно, пусть даже и не помышляет.

* * *

Генерал-майор полиции Павел Сергеевич Крючков только что поговорил по телефону с сыном. Когда голос Михаила исчез, утонул в пространстве между ними, показалось, что тишина сдавила голову, как железный обруч. Это уже не первый их разговор сегодня. Трудно определить, какой самый тягостный. Пока между ними не созрело солидарное горе, только

боль и недоумение: как? Он воспитывал его по-мужски, чтоб вырос твёрдым, спокойным, правильно реагировал на трудности, умел терпеть. Но как подготовить к такому?

Невестку Крючков не жаловал. Пока не похоронил жену, подыгрывал ей, изображал дружелюбие, а потом просто вычеркнул. Для сына это не секрет, но он не переубеждал отца. И вот завтра безутешные родители Вики прилетят в Москву...

После смерти супруги он почти не бывал в их загородном коттедже, но сегодня приехал. Почему? Может быть, душа Клавдии ещё навещается сюда и он найдёт не только утешение, но и выход?

Дом выглядел неуютно. Всё в нём соскучилось по прежней жизни, когда он был жилой.

Крючков тонул в глубоком кресле. Боль безостановочно грызла его изнутри. Зачем он так рано решил, что Вика уже взрослая и следует дать ей возможность жить, как она желает? Но ведь не имелось ни малейших причин переживать за неё, подозревать в чём-то тёмном и опасном или же опасаться её излишней беспечности. Отличница, тихоня, с родителями всё время на связи, к деду раз в неделю в гости, на чай. Аккуратная, продвинутая, умненькая... Посвящала себя в основном учёбе. Или это была видимость?

Он не шевелился, но ему чудилось, что кресло скрипит под ним. Безмолвие за окнами не успокаивало, а наоборот, заставляло вслушиваться в каждый шорох. Где-то далеко страстно залаяла собака, потом перестала.

Через год он планировал выйти в отставку. Да, он это давно решил. Хватит! Чем будет заниматься на гражданке, особо не задумывался. Но, конечно, собирался больше внимания уделять внучке, если это ей потребуется. Клавдия наверняка радовалась бы этому, если оттуда, где она теперь обретается, было бы возможно хоть изредка посматривать на тех, кого любил.

Он пришёл в органы в конце семидесятых. Совсем молодым. С идеалами. Но вскоре иллюзии разбились вдребезги. Советская милиция в жизни сильно отличалась от той, что показывали в кино. Его непосредственным начальником был Володя Родионов. Они сразу подружились. Потом к ним присоединился Петя Елисеев, отец нынешнего его зама. Всем троим служба в районном отделении быстро приелась, хотелось чего-то героического. А расследовать приходилось лишь пьяные драки и мелкие кражи. Иногда они навещались в пивбар на Поклонной улице. Дружеское пиво почти не горчило.

А потом жизнь предоставила им выбор. И они выбрали разное...

Пётр Викентьевич Елисеев давно уже пенсионер, они много лет не общались. За исключением одного раза, когда он просил Павла дать слово, что тот возьмёт Ивана под свою опеку и не допустит, чтобы с парнем случилось что-то страшное. Полковник Елисеев уже много лет не нуждался в опеке, но Крючков обещание своё помнил. Иван Елисеев вырос в идеального служаку, добросовестного, неглупого, выдержанного. Через сына Пётр Викентьевич приветов никогда не передавал. Крючков не удивлялся этому. Были причины.

А Владимир Михайлович Родионов теперь заместитель министра МВД, курирует анти-террористическое направление. Не сказать что они сохранили дружбу, скорее, это что-то вроде зависимости, вроде необходимости никогда не терять друг друга из поля зрения.

Пиво они вместе больше не пьют. Но после больших совещаний Родионов покровительственно обнимает Крючкова, интересуется делами, здоровьем, родными. Предлагает зайти к нему в кабинет махнуть по пятьдесят. Павел Сергеевич всегда отказывается. Высшие офицеры Главка МВД ориентируются на то, что Крючков и Родионов старые товарищи.

За десятилетия службы он научился закрывать глаза на многое. Знал ли он, что его коллеги частенько нарушают закон? Знал. И ничего не предпринимал. Когда самой паскудной цыганке, сажающей молодёжь на наркоту, что-то подбрасывали, чтобы закрыть, он не возражал. Хотя какая-то справедливость. Но если кто-то попадался на этом, безжалостно наказывал.

А теперь кто-то убил его внучку...

Он обязан справиться с собой. В его жизни ничего больше не осталось, кроме цели. Елисеев и его группа приложат, разумеется, все силы для раскрытия. Но получают ли результат? Хватит ли им сил, терпения, ярости? Их надо держать в тонусе постоянно.

Пока задержали двух кавказцев.

В их квартире нашли его девочку.

И там же обнаружили кучу наркоты.

В кармане запищал мобильник. Номер скрыт.

– Здравствуй, Паша. Я очень тебе соболезную. – Голос генерал-лейтенанта Родионова звучал сочувственно. – Я потрясён. Это ужасно. Места себе не нахожу.

Крючков не ждал этого звонка. Не готовился с кем-то разговаривать о своей потере. Слезы чуть было не захлестнули, но он справился. Не хватало ещё всплакнуть.

– Спасибо, Володя, – всё, что он смог вымолвить. А что ещё скажешь?

– Ты где сейчас?

– На даче. Завтра Михаил с женой прилетят.

– Какая же мразь это сотворила?! Держись! Я сегодня говорил с министром. Он взял дело под личный контроль. Звони мне в любое время дня и ночи. Знаю, что подозреваемые арестованы. Крутите их по полной. И держись, пожалуйста. Звони в любое время.

Крючков застыл с мобильником около уха. Снова собачий лай, но уже намного дальше и тише, словно для порядка. Труднее всего сдерживать себя. Поехать бы сейчас в изолятор и выбить без всяких протоколов и формальностей из арестованных братьев всё, о чём они молчат. Как Вика попала в их квартиру? У неё не было друзей, подобных Рахметовым. Это точно. Елисеев уже доложил ему, что кавказцы всё отрицают, но он ждал чего-то ещё... Сегодня... Вдруг уже что-то прояснилось?

Когда-то он мечтал скоротать с супругой старость в этом доме. Уже не придётся. Потом он надеялся, что Вика выйдет замуж, начнёт рожать, и молодым будет куда вывезти детишек на воздух. Ничего этого не случится. Сейчас дом не разговаривал с ним, обиделся, не пускал по-настоящему внутрь. Дом не виноват, что Клава умерла, что Вика погибла.

Внешне Вика щемяще напоминала Клаву в молодости. Особенно в те годы, когда они только поженились и жили в коммуналке на улице Мясковского. К тому времени коммуналок в Москве оставалось немного, но им всё никак не выделяли отдельную квартиру. Одним из соседей по тому многолюдному жилью был молодой поэт Грушин. К нему, к нарастающему с каждым месяцем неудовольствию соседей, частенько заходили шумные товарищи по перу, позвякивая бутылками в тёмных авоськах. Когда терпение жильцов переполнилось, Грушин велел друзьям залезать к нему через окно. Первый этаж: в тёплое время года проблем никаких. Зимой чуть тяжелее было это проворачивать, но они всё равно практиковали, только бы не слышать коммунальное шипение в коридоре: «Алкаши, алкаши, алкаши!» Молодого лейтенанта Крюčkова поражало, как интеллигентные люди, писатели, всё время спят в одежде и то, какой на них налипал скорбный и пристыженный вид, когда они пытались занять у него на опохмел. Он был единственным из соседей, кто им всегда добавлял. Удивительным образом по утрам им неизменно хоть чуть-чуть, но не хватало на бутылку.

Он так живо и чётко представил себе ту их жизнь, непростую, но ещё ничем не омрачённую, что захотелось выпить водки, залпом, чтоб обожгло. Но нельзя! Не стоит ему тут ночевать! А за руль выпившему генералу полиции садиться совсем негоже.

Почему Вика погибла? Это нелепая случайность или что-то другое? Кто-то мстит ему? За долгую милицмейскую, а потом полицейскую карьеру, ясное дело, накопилось немало бандитов, жаждущих ему отомстить. Надо вспомнить всех, составить список, каждого проверить. Но это так долго!

Завтра прилетят сын с невесткой, и, если в квартире, где жила Вика, остался какой-нибудь след, намёк, улика, отыскать их возможно только сегодня. Пока квартира такая, какой Вика её покинула. Когда это случилось? Куда она пошла?

Дом, отгоняя его от себя, делал всё правильно. Вместе им сейчас хуже, чем порознь. Он вернётся сюда, только когда поймает убийцу. Так обещал он себе и дому.

* * *

Он вспоминал теперь, что всё время до прилёта в Самару жил надеждой, что с Верой ничего не случилось непоправимого (о страшном сказала бы сразу, наверное, не удержалась бы). Логика подсказывала, что всё, скорее всего, ровно наоборот, но он противился логике.

После приземления самолёт невыносимо долго катился по полосе. Огромный, модернизированный к чемпионату мира по футболу аэропорт блистал пустотой коридоров, залов и вестибюлей. Пассажиры терялись в нескончаемых пространствах.

Прибывший заблаговременно Александр деловито прохаживался по залу прилётов. «Верка заставила, – подумал Артём, разглядывая его невысокую коренастую фигуру, – а он не может её послушаться».

Мужчины дежурно обнялись при встрече, обменялись ничего не значащими фразами о том, как рады друг друга видеть. Никаких «Ты уже знаешь?» или «Что теперь делать?». Вера всё скажет сама. Ясно, что на все разговоры об этом сейчас – табу. Или супруг не в курсе? Ну это вряд ли.

Артём некоторое время поджидал Александра, подгонявшего машину к выходу из терминала. По небу взбирался самолёт, равномерно и приветливо мигая. Набитая машинами парковка плавно переходила в суету столбов и фонарей.

Ехали в полном молчании. Под негромкую музыку местной музыкальной волны Артём то и дело проваливался в дрему.

В детстве он стремился во всей чёткости запоминать то, что мерещится перед сном, когда уплываешь по мягкой серебристой реке на другой берег сознания. Все детали, повороты, преобразования. Но после пробуждения забывались не только впечатления, но не вспоминалось и само намерение.

Самара начиналась задолго до центра, город растягивал себя, как мог, рукавами авто-трасс, прирастающими новостройками, заводами, но всё в нём так или иначе стремилось к Волге, вниз к воде, быстрой и нетерпеливой, но в то же время величественной, помнящей Стеньку, который хоть и наречён злодеем, но остался в народных песнях на века. Будет ли народ слагать песни о злодее?

Постепенно город обретал свои подлинные черты: низкие купеческие дома с лепниной, красивые перекрёстки, заснеженные деревья в парках, уютные вывески.

Видно было, что Вера сильно и нетерпеливо ждала его. Засветилась взглядами, улыбками, чуть заметными морщинками у глаз. Долго прижимала к себе.

Потом слегка всплакнула. Не расстроилась – растрогалась.

Он уж было успокоился: может, просто соскучилась?

Прошли в комнату. Артём, не выдержав двусмысленности её молчания, спросил:

– Что? Почему такая срочность? Что-то с детьми?

Она стыдливо потёрла глаза.

– Нет, с ними всё в порядке, – вымолвила, улыбаясь.

«Значит, что-то всё-таки с ней самой». Внутри Артёма всё словно переключили на другую скорость, когда тормоза не срабатывают, и мчишься напрямик в большую бетонную стену.

Уставший Александр быстро ушёл спать, оставив их вдвоём. После этого Вера призналась, что у неё диагностировали рак лёгких.

После того они ещё долго сидели, пытаясь что-то преодолеть, с чем-то смириться, пили чай, говорили то о болезни Веры, то хаотично переходили на что-то другое, иногда выходя на холодный, с кусками сырого снега на перилах балкон, где Вера курила, клятвенно обещая бросить завтра же, хоть Артём и не требовал от неё никаких обещаний.

Произошедшее с Верой поражало своей обыденностью: побаливало горло, кашляла, пеняла на хронический бронхит, полагала, что само пройдёт, а оно не прошло. Муж и сын уговорили всё же пойти к врачу.

Доктор долго слушал её, хмурился, прикладывая неприятно прохладный фонендоскоп то к одному месту на груди, то к другому, потом отправил на рентген, КТ и другие анализы. Она навсегда запомнит, как он глянул на неё во второй визит, когда располагал уже всеми данными о её состоянии. Во взгляде мешались жалость и безразличие. Будто она уже мертва.

Вылечить такую разновидность рака можно только во Франции, так врач говорит. Есть агентство, которое туда отправляет пациентов. Доктор обещал посодействовать. У него налажены контакты с этой конторой. Но надо для начала внести сто тысяч евро. А потом платить уже за циклы лечения. Всего четыре цикла. Почему только в Париже? Доктор объяснил, что в Центре Кюри именно такой рак, как у неё, лечат эффективнее всего. Он – крайне редкий. Сашка хочет взять кредит, но она так боится, что потом не осилит, не отдаст. А сейчас коллекторы эти – хуже бандитов. Убить готовы тех, кто вовремя займы не отдаёт. У Женьки свободных денег нет сейчас. Но он тоже что-то найдёт со временем. Да и у неё самой хоть и не грандиозные, но кое-какие накопления остались после того, как Женьке квартиру приобрели. Одним словом, не всё так плохо. Что-то наскребём. Она не сдастся.

Обо всём этом Вера рассуждала с таким видом, с каким домохозяйки судачат о коммунальных проблемах соседей. Слезы, что она себе позволила в самом начале, были единственными в тот вечер.

Артём, конечно же, утешал её: обнимал, гладил по волосам, лгал, что уверен в её непременно выздоровлении. Она кивала в ответ.

В ней много силы. Но на сколько её хватит?

На следующий день сестра закатила царский обед, какой и не всякая здоровая хозяйка осилит. Евгений, племянник Артёма и сын Веры с Сашей, грозился заскочить (он работал в двух шагах от Вериного дома), но в последний момент позвонил раздосадованный: срочно вызвали к начальству.

Перед самым отъездом Артёма составили план: кто, когда и сколько сможет найти денег. Вернее, план составлял Александр. Артём только соглашался. В конце пообещал, что будет переводить с каждой зарплаты некоторую сумму. Вера почти не участвовала в обсуждении. Не обольщалась: главное, дадут ли мужу кредит и как скоро. Она никак не вняла просьбам мужчин остаться дома и не провожать Артёма на вокзал. Не спорила, просто оделась и пошла с Артёмом к такси.

Александр выпил за обедом, поэтому не повёз их.

* * *

Крючков ехал по Кутузовскому проспекту.

Справа одиноко торчала стела Поклонной горы с похожей на циркачку богиней победы, рядом белел храм с аккуратным золотым куполом и хмурилось длинное серое здание музея. Тёмные комья небосвода угрожали разбиться о холодную землю и заполнить всё мутным серым маревом. Ёлки удерживали снег на лапах с усердием солдата роты почётного караула.

Машины, несмотря на достаточно поздний час, бестолково толпились на этом участке проспекта. Водители нервничали, одни перестраивались, другие не пропускали, от этого поток двигался медленнее, чем ему положено.

Впереди несла изящную колесницу Триумфальная арка.

Он во всех деталях восстанавливал в памяти тот день, когда последний раз видел внучку. Тогда его ничего не насторожило. Они, как обычно, пили чай с принесёнными ею овсяными печеньями, так любимыми Крючковым с давних пор; когда будущий генерал был маленьким, отец часто покупал их. В СССР по части десертов особого разнообразия не наблюдалось, и эти печенья воспринимались как изысканное лакомство.

Он никогда не спрашивал Вику о личной жизни, хотя иногда размышлял: есть ли у неё парень? Скорее всего, есть. Такая красотка...

Надо напомнить Елисееву, что все, кто с ней учился в РГГУ, должны быть проверены самым тщательным образом. Хотя он и сам об этом знает.

Ночь входила в город, как огромный всесильный полк. Где-то здесь притаилась тварь, которую он обязан отыскать.

Когда переступил порог квартиры, приказал себе: не смотреть на фотографии, ничего не вспоминать, ни на что не отвлекаться. Искать то, что наведёт на след. Превратиться в ищейку.

У них было заведено, что каждое утро они обязательно созваниваются или пишут друг другу в Ватсапе. Крючков настоял на этом: ему так спокойнее, а если она вдруг не выйдет на связь, значит, что-то случилось. Вот оно и случилось. Самое страшное. Он не медлил, но всё равно не успел.

Её комната. Что он здесь ищет? Он вглядывался в каждый сантиметр пространства, представлял, как Вика провела здесь последние часы, о чём думала, чем тревожилась.

Он внимательно изучил столик около зеркала, здесь она накладывала макияж, кое-какие флаконы и коробочки остались незакрытыми. Куда она спешила? Постель при этом тщательно застелена (девочка была аккуратная). Когда она ушла отсюда? На кровати лежал ноутбук, надо забрать его, пусть компьютерщики поколдуют. Хотя что там может быть?

Как только он представил себе, что тело внучки сейчас в морге, что-то рухнуло вниз от сердца. Он присел на аккуратно застеленную кровать. Слава богу, нитроглицерин в кармане.

Отдышавшись и приняв таблетку, он открыл изящную крышку ноутбука. Экран сразу загорелся. Никаких паролей не требовалось.

Крючков впился глазами в то, что выскочило на первой странице. Телеграм-мессенджер, где Вика переписывалась с неким человеком под ником Райский клоун. Он читал и отказывался признавать, что всё это наяву. Это писала Вика? Он несколько раз порывался закрыть эту страницу, но руки будто каменели. В переписке Райский клоун перечислял, что с ней сделает, когда они увидятся. На редкость пошло, грубо, с матом, с явными наклонностями садиста, со смачными сальными подробностями. Но Вика отвечала, что мечтает об этом и всё такое. И так долго-долго. Об одном и том же. В конце Клоун обещал ждать её возле какой-то библиотеки. Хоть бы адрес, сволочь, написал. И время... Но нет...

Он захлопнул эту мерзость. Дальше не стал изучать. Такое и так трудно пережить. А что там ещё найдётся? Невольное надругательство над памятью Вики, над её образом. Причём с её собственным участием. Где они этим занимались? Здесь? Или в другом месте? Надо отдать компьютер спецам, пусть ищут этого Райского клоуна где хотят.

Почти всю дальнюю комнату занимала беговая дорожка. Сейчас она вся будто сгорбилась, застыла в недоумении. Вика попросила его купить эту огромную конструкцию, убеждая, что будет заниматься каждый день. Крючков заметил, что на экране много пыли. Видимо, ей последнее время стало не до занятий спортом, вообще ни до чего, судя по переписке с Райским клоуном. Как же так?! Почему нет пароля? Он пересилил себя, открыл ноут снова. Увидел, что есть ещё Телеграм, видно, на другой номер. Он попытался сообразить, пользовалась ли она

другой симкой, но так ничего не вспомнил. Или дело не в симке. Он не так силен в этих компьютерных премудростях. Тут нужен спец. Понажимал на значок, но безуспешно. Нужен был пароль. Один Телеграм-мессенджер открыт, другой запаролен. Выходит, этой своей переписки она не стыдилась, ни от кого не скрывала, а было ещё что-то, где она не предполагала чужих глаз? И почему на ноутбуке? Ведь телефон у неё новомодный, со всеми функциями. Телефон могут украсть, а ноутбук всегда дома. Логично, если хочешь полной конфиденциальности.

Мало-помалу он успокаивался. В конце концов, то, что происходит между двумя людьми, – только их дело. Возможно, то, что под паролём, – ещё более личное. И она не хотела, чтобы это читал тот, кто бывает у неё дома. Кто это? Райский клоун. Надо было ставить камеры в квартире, надо. Однако этот тип наверняка в курсе многого. Его позарез надо расспросить, а возможно, для начала понаблюдать за ним. Райский клоун – что за чушь?

Он продолжил осмотр, обследуя каждый угол, открывая каждый шкаф. Последним осмотру подвергся гардероб в прихожей. Заглянув в него, он ахнул: два охотничьих карабина и два травматических пистолета. Откуда они здесь? Что за чертовщина!

Он присел на табуретку. Что ещё его ждёт?

* * *

Вера Колесникова, урождённая Шалимова, несмотря на норовистый мороз, вышла на балкон в одном халате. Холод не страшил. Внутри всё горячее, как на сковороде. «Бог даст, не простужусь», – подумала она. Да и что такое простуда в сравнении с тем, что у неё нашли!

Сегодня Александр заснул необычайно рано. Когда она вернулась с вокзала, он даже не заметил её прихода, так крепко сон прижал его к простыням и подушке. Её несчастье вымотало его.

Он всегда спал, сколько она его помнит, тишайше, не сопел, не кряхтел, почти не ворочался. Она же, наоборот, с детства, после гибели старшего брата, часто просыпалась среди ночи и долго не засыпала. Тогда они жили с Артёмом в одной комнате. Бывало, подолгу болтали, беззвучно смеялись, вместе отгоняли сон, казавшийся скучным и ненужным. Но это случалось довольно редко. После некоторых событий Артёмке давали на ночь валерьянку с пустырником, какие-то ещё лекарства, и он чаще всего спал как сурок, маленький симпатичный сурок. А она боялась, что он проснётся, и опять начнётся ужасное...

После замужества это мучение не ушло, только немного уменьшилось. Она знала причину, но открыть её пока никому не могла. В эти минуты она тихо-тихо, стараясь не шевелиться, чтобы не разбудить мужа, вглядывалась в него, постепенно различая в почти полном мраке удивительную остроту его черт. Она была счастлива с ним. Без всяких «но». Все невзгоды, которых у них, как у всех соотечественников, заставших конец века прошлого и начало нынешнего, хватало, находились под куполом общего семейного благоденствия и под ним же избывались или преодолевались. В таких семьях, как у них, каждый уверен, что лучше, чем его родные, никого нет. Даже Лизка, по природе бузотёрка, никогда не нарушала этой идиллии. Да, теперь она звонит матери или отцу только с требованием денег и с неизменными упрёками в том, что они неправильно живут, но это другое. Пройдёт со временем. Бунт – свойство юности очень хороших людей, оправдывала мама дочку.

Сашка по первости заводился, переживал, что дочь отдаляется, спорил с ней, защищался, потом просто горевал, стоически выслушивая её нападки, и в ответ на просьбы сразу же переводил ей деньги, словно от этой скорости зависело виртуальное преобразование Лизы в хорошую девочку, папину дочку, какой та, признаться, в полной мере никогда не была.

Вера сохраняла спокойствие. Не видела смысла изводиться. Лишь иногда её подмывало поинтересоваться, зачем же дочь регулярно просит деньги у таких никчёмных людей? Но она

себя останавливала. Хорошо, что Лиза уехала из дома далеко. Таким, как она, необходимо пройти испытание самостоятельной жизнью. Женька, он другой, ему лучше под крылом.

Их квартира находилась на двенадцатом этаже. Вид на Волгу открывался незабываемый. Они перебрались сюда не сразу, несколько лет мыкались по съёмным, потом жили в небольшой двушке на окраине, доставшейся мужу от рано умершего брата, и только в начале нулевых, во время недолгого периода бизнес-успехов Колесникова, они купили эту довольно-таки габаритную трёхкомнатную, где с балкона можно взором охватить столько простора, что бескрайность и бесконечность мира не вызовет ни малейших сомнений. За Волгой, после уютного острова с песчаными берегами, за вторым рукавом, суша, прежде чем перейти в небо, прятала в зелени небольшие деревни, сваливала в кучу пригорки и маленькие холмы, клубилась лёгким туманом. «Смотрите вдаль долго и пристально, покуда хватит глаз», – наущала она детей, когда они росли рядом с этой красотой.

Издалека и сверху мир совсем иной, чем он есть на самом деле. Взгляд с высоты – самая большая иллюзия. То, что не видно с земли, вытягивается в сторону далёкого и манящего горизонта и скрывает, глушит, заштриховывает в себе все неказистые детали. Только бескрайность и завораживающая даль!

Сейчас она поклялась, что это будет последняя её сигарета. Завтра она начинает бороться за себя. И не только за себя; без неё – она в этом не сомневалась – жизнь её близких станет невыносимой, и потому она не имеет права сдаваться. Но и предусмотреть любое развитие событий – её долг.

Дым от сигареты уплывал в тёмные бархатные небеса, внизу устало копошились огни машин, а скованная льдом Волга всем своим изогнутым змеиным руслом чего-то ждала – то ли весны, то ли нового Стеньку.

Было ещё что-то очень важное. Она обязана решиться. Решиться на то, чего ещё пару дней назад не могла предположить. Как она этого добьётся? Мысли постепенно складывались в нечто цельное.

* * *

Артём всё же переместился в вагон-ресторан. Когда ему принесли ароматную солянку, появились два лощёных пожилых господина в почти одинаковых на вид костюмах тёмно-серого цвета. Они вальяжно расположились за столом через проход от Артёма. Один достал из кармана очки в бежевом футляре, бережно вынул их, водрузил на переносицу и занялся чтением меню, зачем-то беззвучно шевеля губами. Второй по-хозяйски подозвал официантку и заказал четыреста граммов водки. Тот, кто изучал ресторанный ассортимент, обладал театральной седой гривой, немного растрёпанной, второй же блестел большущей мокроватой лысиной на кажущемся угловатым черепе. Волос почти нет – аккуратные полоски по краям. Глядя на голову незнакомца, Артём, заядлый футбольный болельщик, по ассоциации вспомнил ляп одного комментатора во время матча «Зенита»: «Мяч попал Дзюбе на угол головы».

Гривастый наконец оторвался от чтения и встретился глазами с Артёмом. Сначала Шалимов прочитал в них удивление, потом робкую радость, затем обладатель пышной седой шевелюры взволнованно спросил:

– Вы случайно не Сергея Ефимовича Шалимова сын?

– Да. – Шалимов удивился и насторожился.

– Я прекрасно знал вашего отца. Боже! Как же вы на него похожи. Давайте-ка переберайтесь к нам.

Шалимов-старший до развала СССР работал в Главмосстрое, потом несколько лет нёс государеву службу в Департаменте строительства правительства Москвы, пока не занялся биз-

несом. Артём интересовался работой отца не больше, чем требовала обычная сыновняя вежливость.

Выяснилось, что обладатель роскошной шевелюры, Генрих Болеславович Медвецкий, был связан с отцом Артёма с давних времён. Он характеризовал его исключительно в восторженных тонах, с упоением рассказывая, как Сергей Ефимович в 1980 году пришёл к ним в Главмосстрой и сразу произвёл на всех потрясающее впечатление. Грамотный, умный, цепкий, при этом в общении прост, но не до панибратства.

Медвецкий и Рыбалко, вернее их фирма, выиграли тендер на строительство нового торгового центра в Самаре, и вот теперь они возвращаются в Москву, вдохновлённые и горящие желанием жить.

Иногда российское застолье, гордое и самодостаточное в своих свободных, безрассудно накатывающих на житейские берега волнах, достигает такого этапа, когда все испытают нечто вроде катарсиса, только без трагедии, и над столом воспаряет иллюзия, будто все давно стремились к этому светлому моменту: все рубят правду-матку и проясняют всё до конца как в своей судьбе, так и в устройстве мироздания. И тогда вылетают из людей слова легко, как шустрые птицы, и безответственно парят над столом, нарезая причудливые круги. Водка гарантирует будущую безнаказанность. С пьяного какой спрос? Ну, наговорил лишнего. С кем не бывает...

Медвецкий с высоты своего возраста, а на вид ему было явно за шестьдесят, взял на себя в горячем разговоре роль вопрошающего. Похвалами отцу он выпросил у Артёма доверие и теперь вроде как почти по-свойски имел права на неудобные вопросы.

– Вот скажи мне, Артём Сергеевич... Ты нам рассказал, что работаешь в библиотеке. Прости, директорствуешь. А как отец твой к этому относился?

– Всячески поощрял. – Артём не соврал.

Заслуженный строитель Сергей Ефимович Шалимов всегда заявлял в семейном кругу, что заставлять детей идти по стопам отца – невиданная глупость. Пусть сами выбирают профессию. И когда младший сын поступил на филфак МГУ, горячо это одобрил. Конечно, его связи в московских чиновничьих кругахгодились Артёму, когда он после нескольких лет преподавания литературы в музыкальном училище взвыл, что никак не может заставить будущих музыкантов хоть что-нибудь прочитать, и задумал сменить работу. Артёма взяли в одну из библиотек Северного округа, сразу на должность заместителя директора. В библиотечную систему главное попасть. В итоге к нынешнему моменту он продвинулся по служебной библиотечной лестнице максимально высоко. Возглавляемая им библиотека, по задумке московских чиновников, должна была стать самой передовой, с кофейней, кучей кружков и прочих премудростей развитого городского капитализма. Её даже переименовали в читальню. Артёму слово нравилось. Да и располагалась библиотека в тихом особняке недалеко от Чистых прудов. Городским ландшафтам Артём придавал особое значение. Старался тщательно избегать тех точек в городе, где его что-то напрягало или страшило. Природу категорически не любил. Не понимал тех, кто живёт за городом, вдали от цивилизации, кормит комаров летом, а зимой беспрерывно спасается от завалов снега. После смерти мамы они с Верой продали семейную дачу и выручили за неё неплохие деньги. Правда, от них довольно быстро ничего не осталось. Вера вложила в приобретение квартиры для сына (знала бы она тогда, что через некоторое время ей понадобятся деньги на лечение!), а Артём просто прожил их, позволив себе пару раз дорогие одинокие европейские поездки, остальные разошлись сами собой.

Если бы предвидел, что Вера заболеет, не разбазарил бы ни рубля!

Артём не выносил, когда кто-то обзывал профессию библиотекаря бабьей, намекая, что мужикам на такой богадельной работе не место и библиотечный удел подходит лишь неудачникам. Сейчас в вопросе Медвецкого он заподозрил этот оттенок и, несмотря на расслабляющие уютные сигналы алкоголя внутри, напрягся.

– А с чего бы отцу не одобрять мою работу? – Артём придал голосу холодности.

– Конечно, не с чего, – примирительно отозвался Медвецкий. – Вспомнил сейчас вдруг, что, когда мы вместе тянули лямку Главмосстроя, он не раз делился со мной мыслями, что сильнее всего желал бы передать детям свои знания и умения.

– Я от него ничего подобного не слышал. Моя сестра Вера тоже. – Артём разозлился и не собирался этого скрывать.

Обстановка пьяно накалялась.

– Отец твой, Артём, легендарный человек, – принялся спасать ситуацию Рыбалко. – Хотя и лично чести не имел быть с ним знакомым, но легенды и до меня доносились. Я в начале восьмидесятых в одном тресте строительном подвизался. Так в нашем кругу батя твой реальным авторитетом слыл. Если Ефимыч за что-то брался, значит, сделает всё по высшему разряду.

Артёма раздражил захлёбывающийся тон Рыбалко.

– «Авторитет» – плохое слово. Для отца не подходит. Словно он бандит какой-то...

– Хороший ты парень, Артём. Самостоятельный. – Медвецкий налил Шалимову водки. – Не обижайся на нас, стариков, если что не так. Лучше расскажи что-нибудь интересное. Что сейчас в книгах-то пишут? А то нам с этими подрядами-заказами читать некогда.

Артём выпил залпом.

– Современная литература сейчас на подъёме. Много книг издаётся. На любой вкус. Только читай.

– Да ну! – Медвецкий искренне удивился. – А я думал, наоборот. Тут как-то у внуки взял со стола одну книжонку. Автора не вспомню. Но наш, точно наш писатель. Доморощенный. Современный, как ты говоришь. Там как один парень свою подружку имел в общежитии описывается. Так подробно, что меня чуть не стошнило. В наше время такая гадость не издавалась. В твоей библиотеке такие книжки тоже есть?

– Не в курсе, что в приоритете у вашей внуки. Но сейчас литература развивается в сторону снятия табу со многих запретных тем. Как говорится, не хочешь – не читай. Есть Пелевин, но есть и Михаил Тарковский, есть Иличевский, но есть и Прилепин. У каждого своя правда. В моей библиотеке многие писатели выступают. Встречаются с читателями. Приходите как-нибудь... Это интересно.

– Приглашаешь? Зайдём, зайдём. Да? – Медвецкий обратился к Рыбалко чуть покровительственно.

– Вот послезавтра, кстати, у нас будет классный батл. Поэтический. Один рэпер против классического поэта. Круто ведь?

– Батл? Это что?

– Состязание. Сейчас это очень модно.

– Чего бы так и не говорить – «состязание»? Вот времена. – Медвецкий сокрушённо покачал головой.

Тем временем Рыбалко налил себе, Медвецкому и Артёму рюмки до краёв. Артём, когда подносил ко рту, немного пролил.

– Вы противник иностранной лексики? – Артём бросил украдкой взгляд на мокрое пятнышко на своих брюках.

– Да проходу нет от неё. Что ни вывеска – то по-латыни.

– А в торговом центре в Самаре, который вы строить будете, все вывески на русском планируются?

– Так мы ж только строим. Кому уж там помещения в аренду сдадут – не наше дело, – обиженно удивился Медвецкий.

– А-а-а, – протянул Артём, невольно смущаясь своей неосведомлённости. – Полагаю, там тоже нет-нет да вывески на иностранном языке встретятся. Язык нельзя умертвить. Он всегда живёт заимствованиями.

– Ты человек учёный в этом деле. – Медвецкий явно не собирался усугублять спор. – А мы люди простые, строительные. Но всё же сейчас много язык уродуется. Лайки, шмайки, френды. Не очень благозвучно. Неужели тебе это по душе?

– С этим соглашусь. Но тут нельзя вмешиваться. Всё идет, как идёт. И в том, как люди живут, и в том, как говорят. Язык одновременно упрощается и усложняется.

Рыбалко изящно, но в то же время властно подозвал рукой официантку. Захмелевший Артём, наблюдая это, почему-то удивился, как у этого лысого и не очень внешне эстетского человека получается такой изысканный жест: на него нельзя не отозваться, и в то же время в нём нет ни капли хамства или барства.

Официантка подошла, спокойно, чуть покровительственно окинула взором компанию и очень ответственно, так, чтобы ни у кого не вызывать сомнений в правдивости, отчеканила:

– Водки больше предложить не могу. Кончилась. В Самаре продовольствием не пополнились. А то, что с Москвы брали, всё выпили пассажиры. – Она улыбнулась с явным облегчением. – Да и вам пора закругляться. Мы же не всю ночь тут дожидаться будем, пока вы закончите!

Неожиданная и случайная троица компаньонов немного пригорюнилась, но вскоре смирилась с фатальным исходом. Шалимов написал им на салфетке свой мобильный – вдруг ещё повидаемся? – а Рыбалко и Медвецкий отправились в свою сторону поезда, предварительно сунув Артёму одинаковые по форме и дизайну визитки. Сам же Артём, пьяно пошатываясь, поплёлся в свой вагон.

Артём ругал себя: зачем выпил столько водки? Ведь он её не любит, пьёт редко и мало, вся эта русская водочная дребедень с опрокидыванием стопок, огурчиками и грибочками ему противна. И вот сейчас во рту кисло, внутри всё будто слиплось, в голове начинает вырабатываться болезненный яд. Медвецкий разбередил его память об отце. Давно пора признаться себе, что у этого образа, кроме памятной бровастой и большоголовой внешности, отсутствуют какие-либо узнаваемые черты. Отец всегда присутствовал, но не занимал в его жизни значимого места, не разделял с ним его интересы, никогда ничем не увлекал, ничего не обсуждал, не спорил, не заводился, не ругал, лишь изредка ворчал по пустякам. Он неизменно исполнял то, чего желал Артём в детстве, но всё между ними было устроено так, что сын никогда не просил у отца того, чего жаждал по-настоящему, словно боясь, что в этом ему по каким-то причинам откажут. К концу жизни родителей они безмерно утомили его. Конечно, ему никогда не пришлось бы в голову хотя бы намекнуть им об этом – заботливее сына, чем он, трудно найти, – но усталость от них вызрела в нём так крепко, что до сих пор он в её власти, она влияет на его поступки, решения, лишает его сил, когда они ему нужны больше всего.

Когда он открыл неожиданно оказавшуюся почти невесомой дверь в тамбур своего вагона, поезд так качнуло, что равновесие удалось сохранить с величайшим трудом и ценой ушибленного о дверь поездного туалета плеча.

В купе он не очень ловко разделся, бросив все вещи на соседнюю полку, вытянулся на спине и забылся тяжёлым сном. Видения набрасывались на него, беспокойно, толчками кружили его сознание, сквозь их неразбериху он слышал, как подъехали к Рязани и как металлический голос объявлял номера поездов и платформ.

* * *

Майя Кривицкая, возлюбленная Артёма Шалимова, сидела в Телеграме. Телеграм постепенно становился самой модной историей в Сети. Все, кто мнил себя креативными, продвинутыми, перебирались туда. Артём часто иронизировал над этим, замечая, что ещё недавно все восхваляли твиттеры, живые журналы, а теперь, если так пойдёт, они скоро превратятся в

такие реликты, как пейджеры, которые лет тридцать назад придавали их обладателям неимоверную крутость, а теперь молодёжь не представляет себе, что это такое.

Сегодня чтение Телеграм-каналов её раздражало, как никогда. Половина текстов точно писалась провластными пиарщиками. Но надо быть в курсе замыслов врага, учиться отличать фейки от правды, понимать, где чей след и в чём настоящие цели.

Её мать чуть слышно посапывала за стеной. Храп звучал не раздражающе, а мерно и уютно. Милая мама!

Майя родилась 31 декабря 2000 года. Когда её обожаемая мама корчилась в родовых схватках, вся страна обсуждала отставку Ельцина и того, кто пришёл ему на смену. Тогда ещё никому в самом страшном кошмаре не привиделось бы, что сотворят со страной.

Сейчас она ответственная за то, чтобы всё поменялось. И главное для неё – это их движение, пусть пока не такое уж большое, но в истории немало случаев, когда малыми силами творились большие дела. Кому-то покажется глупым, что они собираются и всё обсуждают, обсуждают, обсуждают. Как могут общаться одновременно больше двадцати человек, да ещё принимать какие-то решения, подумает несведущий! Но им хорошо друг с другом, они понимают и чувствуют каждый каждого. На новую встречу готовятся темы, вопросы, они изучают опыт других революций, прогнозируют ситуацию в России, для них нет никаких иллюзий по поводу власти – она преступна. Не во всём они сходятся, но только когда речь заходит о методах борьбы.

Не так давно в их кругу появился интересный парень. Виктор Небратских. Он взрослее остальных, отслужил в армии, но ненавидел всю эту напыщенную военщину не меньше иных правозащитников старого закала. Майя возлагала на него большие надежды. Среди мальчиков не хватало такого брутального лидера. Он пригодится, когда они перейдут к решительным действиям. Не сейчас. Потом. Его ввела в их круг Соня Короткова, девушка, с которой они вместе собирали группу, собирали тщательно – любая ошибка, один не тот человек, и всё насмарку. Соня и Виктор, кажется, жили раньше в одном доме, не в Москве, в Челябинске, в детстве дружили, потом Виктор переехал, и вот год назад они случайно встретились, начали общаться, и Соня быстро разобралась, что он подходящий человек для борьбы.

Соня Короткова безмерно много значит для неё. У неё никогда не повернулся бы язык назвать её подругой. Между ними явно нечто большее: увлечённость одной целью, общее дело, родство душ такое, что редко найдёшь и между кровными родственниками.

С Соней Майю в своё время свел учитель истории, в которого она в конце предпоследнего класса школы была экстатически влюблена. Сергей Бударагин привлекал многих учениц, он изумительно рассказывал на уроках, за стёклами очков лучились глубокие и несколько беззащитные глаза. Разумеется, никаких неформальных отношений он не допускал. Но Майя проявила настойчивость. Бударагин настолько вошёл в её мир, так часто снился, так аккуратно и нежно во сне брал её за руку и куда-то вёл, что она не представляла себе, как может так случиться, чтобы всё это не воплотилось в явь. Она решила проследить за ним после школы. Бударагин жил недалеко от метро «Краснопресненская», в старой пятиэтажке с милейшим зелёным двором. Она шла за ним, почти не скрываясь. Учебный год кончился. Москва рано приняла жару в тот год, рано заблагоухала сиренью. Она заметила, что на улице Бударагин выглядит не как школьный учитель, а как студент. Сколько же ему лет? Двадцать пять? Двадцать восемь? Тридцать? Не такая уж большая между ними разница. Около своего подъезда он остановился, обернулся и, близоруко щурясь, хоть и был в очках, посмотрел на замершую неподалёку ученицу десятого класса.

– У тебя какой-то вопрос ко мне? – Он прислонился спиной к покрашенной отвратительной бордовой краской двери.

В этот момент кто-то выходил и толкнул дверь так резко, что Бударагин чуть не растянулся на асфальте.

У неё действительно были к нему вопросы. И он на все ответил.

Начались каникулы. Майя, как обычно, осталась в Москве, и они стали проводить вдвоём столько времени, сколько хотелось. Он создал её такой, какая она сейчас. Понимающей, что к чему. И она ему всегда будет благодарна.

Поначалу она скрывала свои подлинные намерения, они просто гуляли, пили чай в разных кафе, он ей кучу всего интересного открыл, словно долго ждал человека, способного по-настоящему впитать его мысли и знания. Он с презрением говорил о нынешних чиновниках, перечислял гениев, в разные времена загубленных российской властью, вместе они слушали Дмитрия Быкова, и обаяние его речи сближало их удивительным образом. Как-то она спросила, не боится ли он, что она на него пожалуется директору школы. Он кисло улыбнулся: «Ты не из таких». — «А из каких?» Она до смерти хотела выяснить, какой он её видит. «Ты из тех, кто способен что-то поменять в этой стране».

Ей не терпелось сблизиться с ним как с мужчиной, за себя она не боялась, у неё уже был небольшой сексуальный опыт (с одноклассником, ничего особенного), боялась за него: как он к этому отнесётся, как он это переживёт, такой чистый и правильный.

Иногда она спрашивала себя, зачем он с ней возится, объясняет что-то, наполняет её протестом, а иногда даже ненавистью к тем, кто не даёт народу нормально, по-человечески жить. И при этом никогда не возьмёт её за руку. Не самой же ей его целовать!

В начале июля он пригласил её на день рождения.

— Мы будем вдвоём? — обрадовалась Майя.

— Нет. Позвал ещё друзей.

Все гости Майе глянулись. Они одной крови с Бударагиным, а значит, теперь и с ней. Соня Короткова, молодая журналистка из «Молодёжки», понравилась ей больше всех.

В тот вечер Майя наконец переспала с Бударагиным. Он выпил. Раскрепостился. Она была несколько разочарована в нём как в мужчине — ждала большего. Но всё равно без него уже не могла. Он стал частью её, сросся с ней. Она настроилась на счастье.

А через пару дней он попал под машину. Глупо, случайно, задумался и пошёл на красный свет. Врачи не спасли. Тяжёлая черепно-мозговая травма.

После похорон Бударагина они с Соней сидели дома у журналистки и напивались. Вдоволь наплакавшись, они мечтали о том, как хорошо было бы найти организацию, которая объединяет таких, как они, таких, как покойный историк, тех, кто не намерен выносить эту унижительную жизнь, где всё хорошо только у скотов.

А через год с небольшим они сами её создали. И людей всё больше. Тех, на кого можно всерьёз опереться, например, её однокурсница Вика Крючкова, продвинутая, стильная, и тот же Виктор Небрятских. Вика, кстати, куда-то исчезла после их последней встречи в библиотеке у Артёма. Она звонила ей разок, но та не ответила и не перезвонила. А теперь номер заблокирован.

Представила, чем Вика может быть занята, потом подумала: классно, что Вика, внучка полицейского генерала, с ними. Умные люди не остаются равнодушными, даже если у них в жизни всё складывается сравнительно удачно. Вика присоединилась к их организации не без её участия. Майя этим гордилась немного.

В России — тяжёлая пустая жизнь.

Вот она, Майя Кривицкая, учится в РГГУ, перед тем, как поступить, ходила на курсы и готовилась к экзаменам ночи напролёт, до белых точек перед глазами, теперь получает классное и — с каждым днём это становится всё очевиднее — бессмысленное образование, неприменимое в этой стране. А куда она пойдёт после вуза, такая вся учёная? Кто её примет на работу? Где будут востребованы её сокурсники? Да нигде. Так было и так есть. Долой иллюзии и малодушные надежды, что у тебя всё сложится иначе. Образованные люди тут не пригибаются. В России в цене те, кто легко и непринуждённо встраивается в систему «ты мне — я тебе», кто

торгует воздухом, кто изображает из себя молодого лидера и не вылезает с разных на редкость дебильных молодёжных форумов.

Как-то в одной компании, в общаге, куда её занесло на первом курсе во время бурного празднования окончания первой сессии, один парень делился байками своего отца об учёбе в советской школе. Там был такой диковинный предмет – УПК, где школьники получали якобы азы рабочих специальностей. И вот педагог по автоделу поучал старшеклассников:

– Это только в книжках пишут, что для молодёжи все дороги у нас открыты. У вас две дороги – или на завод, или в тюрьму.

«А что сейчас изменилось? – размышляла она. – Только заводов осталось немного. Приходится любой ценой пробиваться в сферу обслуживания или мутить что-то в Инете. Наверное, отец этого парня как раз ровесник Артёма».

Вспомнив об Артёме, она улыбнулась и сладко поёжилась, оторвав отяжелевшие глаза от экрана. «Хорошо, что завтра утром он вернётся в Москву. Зачем, интересно, он так срочно отправился в Самару, к сестре? И не говорит ведь ничего об этом. Обычно он ей всё рассказывает. Или нет?» Майя не относилась к тем девушкам, кому нужно постоянно пребывать с любимым на связи, писать, звонить, проверять, бесперебойно подтверждать чувства и требовать того же от объекта своей привязанности. Если он предлагал ей встретиться, она соглашалась. Приглашал в гости – шла. Но чаще всё происходило как-то само собой. Сколько это продлится и чем кончится? Она не собиралась травмировать себя этим. Главное сейчас – другое. Не Артём. А их группа. Их планы. Их товарищество. Решающее время, похоже, не за горами.

Артём как-то слишком нервно отреагировал на то, что они собрались у него в кабинете. Ну ничего! Привыкнет. Она как-нибудь улестит его. Не отказываться же из-за его капризов от такого безопасного места!

Мать за стенкой шумно повернулась. Кровать длинно и устало скрипнула.

Они жили в двухкомнатной квартире в доме на Студенческой улице, прямо напротив Третьего транспортного кольца. Район для Москвы весьма неплохой, даже престижный. Но здание спроектировано в тридцатые годы прошлого века; стены так тонки, что жильцы с первых дней свыкались с тем, что слышат всё происходящее у соседей. Впрочем, до войны это не виделось чем-то особым, все жили сложно и скученно, тем более дома предназначались для работников «Метростроя», и предполагалось, что те спят крепко. Это потом, обретая отдельные квартиры, люди стали коммунально зависимыми, без конца вступая в тяжбы с городскими службами по поводу вибраций, запахов и прочих неудобств.

Майя прислушалась. Мать дышала тяжело, с присвистом. Бедная! Как она устаёт! Преподаёт в школе английский, да ещё и бегает целыми вечерами по ученикам или сидит в Скайпе, вразумляя не сильно умных детишек. Иногда ученики приходят к ним домой, если маме нездоровится, а это, к сожалению, с годами происходит всё чаще и чаще. Мама готова страдать и надрываться, сколько надо, только чтобы Майечка училась на дневном. Хорошо, что мамина школа совсем недалеко от дома. Буквально десять минут по Студенческой. Кстати, мать умышленно не отдала её туда – побоялась кривотолков. Пришлось Майе ходить на ту сторону Кузовского проспекта, в 711-ю. Школы располагались в абсолютно одинаковых зданиях красного кирпича с круглыми белыми барельефами на фасаде. Там были, кажется, Пушкин, Ломоносов, ещё кто-то.

Был бы жив отец, мать так бы не мучилась, не тянула бы этот воз, не надрывалась бы. Но его нет. Он умер, когда Майе исполнилось девять. В кризис 2008 года его выгнали с хвалёного Первого канала, где он работал оператором. Отца настолько это подкосило, что он, не раздумывая, зажёг в себе свечу алкоголизма, которая спалила его в несколько месяцев. Однажды он выпил так много, что утром уже не открыл глаза.

Папка! Она могла хоть сейчас представить его во всех деталях: как он ходил, улыбался, смотрел футбол, прихлёбывал пиво, пробовал воспитывать её и почти никогда ни на кого и

ни на что не злился. Почему он ответил за то, что власти не нашли другого варианта борьбы с кризисом, как массовое увольнение людей?

Она вернулась в Телеграм, читала и читала, иногда морщась, иногда улыбаясь.

* * *

Мысль отправиться к Елисееву пришла спонтанно, но вскоре он укрепился в ней. Именно Иван, несмотря ни на что, сейчас необходим ему.

Его заместитель проживал на Студенческой улице, не в шикарном, но вполне добротном доме. Генерал не считал нужным интересоваться деталями быта подчинённых, полагая это излишней фамильярностью, но полковник сам рассказывал ему, как они разъехались с отцом и матерью, но поселились в одном микрорайоне, недалеко от Киевского вокзала. Ваня тогда радовался, что вариант нашёлся хороший. Однажды генерал побывал у Ивана, они с коллегами по Управлению обмывали его полковничьи погоны. Тогда все сильно набрались.

В багажнике его машины лежали два травмата, два охотничьих карабина и Викин ноутбук – источники его отчаяния. ГИБДД он не боялся, его корочка должна подействовать. Досматривать автомобиль они не сунутся.

Он не верил, что оружие имеет отношение к его внучке, но чтобы доказать это, ему нужен был союзник. Тайный союзник.

Елисеев удивился позднему звонку шефа, но виду не подал. Надо – значит, надо.

Вдоль тротуаров Студенческой симметрично, как только что посаженные деревья, высились фонарные столбы с загнутыми верхушками. Сама улица выглядела довольно уныло, несмотря на недавно уложенную плитку. Свет из окон не притягивал взгляд.

Крючков припарковался во дворе, вышел из машины.

Елисеев ещё не спустился.

В глубине двора – неумолимая казённость безликого здания Дорогомиловского районного суда. Перед ним – детская площадка со скособочившейся горкой странной формы. «Как дети съезжают с неё?» – удивился про себя Крючков. И сразу перед глазами проплыла маленькая Вика в комбинезончике, смеющаяся, розовощёкая. В детстве она выглядела чуть полнее, чем надо, но потом взялась за себя и лет с тринадцати ни одного лишнего грамма не допускала.

Наконец Елисеев появился. «Он в хорошей форме», – оценил генерал спортивную фигуру подчинённого. Полковник надел пуховик, джинсы. Походка пружинила. От него еле уловимо пахло табаком. «Он вроде бы не курит».

Разговаривать в машине при современных средствах прослушки – так себе идея. Сейчас по этой части неприкосновенных нет. Собственной безопасности даны полномочия неограниченные. Кто знает, не слушают ли всех без разбора?

Крючков давно избегал кому бы то ни было доверяться целиком. Но сейчас придётся.

Два офицера полиции медленно пошли по дворам, вдыхая ночной, уставший от борьбы с бензином воздух, скрипя ноздреватым снегом, осматриваясь, поскольку не случилось в их жизни таких минут, когда они могли бы полностью расслабиться.

Крючков, посвящая заместителя в детали недавнего осмотра Викиной квартиры, фактически признавался в служебном преступлении – в краже вещдоков. Вещдоков в деле, которое ведут его подчинённые.

Выслушав начальника, Елисеев предложил тому все же зайти куда-то выпить кофе. В России «выпить кофе» – всегда попытка с чем-то справиться. Хотя бы чуть-чуть.

На той стороне проспекта круглосуточно работал «Кофе Хауз».

Иван недоумевал.

Они сели в почти пустом зале, где с картинок на стенах манили уютные пейзажи Праги, Петербурга; видимо, хозяева делали ставку на то, что, умилившись, клиент больше закажет. К ним сразу же подбежала симпатичная девушка, явно из какой-то азиатской республики.

– Я не допущу, чтобы её имя трепали. Важнее этого нет ничего. Для газетчиков это же лакомая история, ты понимаешь. В наше время они ничего не упустят. Внучка генерала. Дома – оружие. Тело нашли в наркопритоне. У них ничего святого. Раскрутят на полную, правда их не волнует. Поэтому об этих стволах они не должны пронюхать. Никак не должны. Вот я их и забрал. Мы сами разберёмся, откуда они. Ясно, их кто-то подкинул. Но как? Когда? Помогите мне. Это не приказ, как ты догадался. Просьба.

– Ясно. Но нам будет трудно снять отпечатки с этих стволов, если не приобщим их к делу. И вообще определить их происхождение, – сожалел Иван, надеясь, что к генералу вернётся здравый смысл.

– Я это устрою. Потом сообщу. – Крючков огорчился такой реакцией: всё же он редкий долдон, ему про Фому, а он про Ерёму. Ну больше всяко не на кого положиться.

– Как?

– Не забывай, что я начальник ГСУ по Москве. И служу уже сорок лет. Сделают в одном из отделений. Стволы пусть пока остаются у меня. Я буду держать тебя в курсе. Лучше скажи, что-то уже удалось прояснить? – Генерал ничего не стал заказывать, даже не снял куртку. Седые его волосы немного растрепались.

– Пока, честно сказать, только одни странности. Записи с камер наблюдения изучаем. Надеюсь, там что-то мелькнёт интересное. Братья Рахметовы всё отрицают. Ни про наркоту ничего, говорят, не знают, ни про Вику. В ванную до приезда оперов не заглядывали.

– Даже руки с дороги не помыли?

– Типа того.

– А товар к ним, выходит, по воздуху прилетел? Карлсон им его доставил? С пропеллером.

– Их отпечатков на пакетах нет. – Елисеев стоял на своём. – Предвижу сложности.

– Чёрт! – Крючков явно ожидал услышать от Елисеева что-то более обнадеживающее. – А чьи есть?

– Найдены отпечатки, не проходящие ни по каким базам.

Некоторое время мужчины молчали.

– Шеф, – Елисеев отхлебнул горячий и не очень вкусный кофе, – прошло мало времени. Все работают. Может, всё же дадите мне стволы, я потихоньку проверю, откуда они? Вам как-то негоже.

– Нет.

– Понял... Вы же начальник ГСУ.

– Не обижайся. Но бездумно рисковать нельзя. Если вдруг тебя отстранят, мне совсем не на кого будет положиться. Что по информатору, который навёл на притон?

Заведение почти совсем опустело. Официанты, сгрудившись у стойки, что-то обсуждали. Один малый широко зевал.

– Мы с Шульманом толковали с ним сегодня.

Крючков вскинул брови.

– И что?

– Пока ничего. Утверждает, что получил инфу и сразу слил её операм Багрову и Соловьёву.

– Братья прежде замечены были в сбыте?

– Были, конечно. Но по мелочи.

– Почему не брали их?

– Вы же сами знаете. Ждали чего-то крупного. Оперативная комбинация местного ОВД.

- Что значит «ждали»? Их пасли?
- Да. Говорят, пасли. Но когда они отбыли в Майкоп, к заболевшему отцу, перестали. Они же не в розыске, чтоб...
- У них есть родственники? Ах да! Отец.
- Вряд ли он в курсе их делишек...
- Они точно были в Майкопе?
- Да. Всё подтверждает это.
- Чёрт! Но как-то моя девочка попала к ним в эту треклятую хату? Об этом думает кто-то? – Генерал почти кричал. – С информатора нельзя спускать глаз. Понятно?
- Шульман занимается им.
- Пойдём отсюда! Мерзкое местечко. – Генерал скривился. – Откуда у моей девочки два травмата и два охотничьих ружья? Ты можешь объяснить? – Он совсем утратил самообладание и весь свой генеральский лоск.
- Нет. Пока нет.
- Когда они прощались, Крючков протянул Елисееву тонкую серебристую панель.
- Вот. Это её ноутбук. Если у тебя есть спец, которому ты доверяешь, попроси вынуть из него всё, что можно. И... – он вздохнул, – чтобы сначала всё доложили только тебе. И никому больше. А ты потом мне...

Часть вторая

* * *

Майе Кривицкой снились Телеграм-каналы. Она начиталась их настолько, что во сне они сперва перемешались, а потом начали горячиться, спорить друг с другом, отплёвываться кувыркающимися буквами. Никуда не деться от них. Длинные, иногда с нецензурщиной, фразы, по ним никак нельзя было определить: это оплаченный Кремлём клеветник или просто честный человек, изливающий свою боль.

Уже перед самым пробуждением, в нервном, неплотном видении, ей явился Артём почему-то в нелепой футболке с портретом Пушкина во всю грудь. Никогда он не казался настолько старше её.

Это так поразило, что она некоторое время, уже окончательно проснувшись, тщи́лась смириться с этой внезапной Артёмовой старостью и, как это часто бывает по утрам, благодарила Бога, что наяву всё совсем не так.

Когда открыла глаза, сетчатку пронзила такая боль, что пришлось их снова закрыть. Особенно страдал левый глаз, глазное яблоко словно распухло и просилось наружу. Такое в последнее время случалось с ней часто. Она всякий раз пугалась, никому не жаловалась, обещала себе меньше смотреть на экран телефона и ноутбука, но боль быстро отступала, и всё забывалось.

Мамы дома, конечно, не было. Сколько Майя себя помнит, матери всегда ставили первые уроки, словно издевались. Будь мамочка рядом, завтрак Майя получила бы в постель, причём самый вкусный на свете. Мать и дочь Кривицкие суперделикатесов позволить себе не могли, но Зоя Ильинична умела из совсем простых продуктов приготовить нечто потрясающе вкусное. Это искусство она унаследовала от бабушки.

Бабушка немного не дожила до восьмидесяти и скончалась два года назад, оставив дочери и внучке однокомнатную квартиру на Полянке в блочном, со страшными на вид балконами, доме у самой станции метро. Мать категорически отказывалась эту квартиру сдавать. Майя особо не настаивала, хотя деньги им, разумеется, не помешали бы. Но если мать в чём-то себя уверила, Майя не тратила силы на переубеждение. Знала – бесполезно. Вероятно, сама мысль, что в квартире, где доживала свои дни бабуля, где так радушно их принимала по выходным, с пирогами и всякими разносолами, где окутывала их мягкой, как ручной вязки свитер, стариковской заботой, начнёт хозяйничать кто-то чужой, травмировала маму. Иногда они за вечерним чаем и трёпом предавались маниловским размышлениям, как хорошо было бы сделать на Полянке ремонт, но дальше разговоров эти намерения не заходили.

Зоя Ильинична ни в чём не ограничивала свободу дочки, не расспрашивала её о том, чего та сама не рассказывала, просила только об одном: не пропадать без предупреждения слишком надолго. По большому счёту, ни её, ни её покойного мужа не хватало на воспитание дочери – лишь бы прокормить, одеть, обуть, обучить, – но она как-то сама воспиталась. И воспиталась, как полагала мать, совсем неплохо!

Несмотря на довольно высокий для девушки рост, метр восемьдесят три, Майю никто в детстве не дразнил дылдой. Но сама она себя иногда любила так называть. Вот и сейчас мысленно приказала себе: «Вставай, дылда, тебе пора!»

Глаза ещё ныли, она, шурясь, встала с постели, порадовалась тому, что день начинается с солнца – в феврале это большая редкость. Посмотрела в окно. По небу торопливо двигались облака, похожие на невесть откуда налетевших монстров. Прямо на её глазах они из подсвеченных солнцем превратились в серые, с тёмными сгущениями.

Занятия Майя не посещала уже несколько дней. Не задумывалась, как объяснит это в деканате. Надеялась, что пронесёт, что она придумает уважительную причину, и ей поверят. Завтра придётся непременно навестить любимый вуз, будь он неладен. Сейчас отчисление за прогулы ей ни к чему. Да и мать не переживёт.

РГГУ, конечно, не в корне пропутинский МГУ, но и тут препода многовато врут. А некоторые явно читают лекции на автомате, из года в год одно и то же, почти слово в слово. Сами не верят, что говорят. Правильно пишет в «Молодёжке» Вероника Трезубцева: наше образование – отвратительная пародия; куча ненужных знаний, и полная дальнейшая неприспособленность ни к какой деятельности. Трезубцева появилась на страницах «Молодёжки» совсем недавно и сразу же обрела популярность. Она изобличала режим, но тонко, на реальных примерах, подсмотренных в реальной жизни. Очень круто получалось. Аудитория её всё время росла. Благодаря ей «Молодёжка» возвращала утерянную после лихих девяностых популярность. Майя недоумевала, отчего власти до сих пор «Молодёжку» не прикрыли. Однако не сомневалась, что скоро это произойдёт. Она не раз просила Соню Короткову познакомить её с коллегой, но та отнекивалась...

Так она размышляла, держа в одной руке чашку кофе, а другой копалась в мобильном телефоне, читая утренние новости, мелькающие то и дело с неприятным писком в маленьком окошке в углу экрана.

На подоконнике затихли ряды закрученных матерью банок: помидоры, огурцы, перцы. За всю зиму они так ни одну и не открыли.

Ничего особенного за вчерашние день и ночь в России, судя по новостям, не произошло. Все всем довольны. Стадо баранов! Ей не по пути с ними. Надо что-то менять всерьёз.

Хотя она признавала, что после того, как встретилась с Артёмом, кое-что изменилось в лучшую сторону. Не сказать, что она так уж любила шопинг, а Артём обладал неограниченными финансовыми возможностями, но раньше она стеснялась тратить на шмотки деньги, что выдавала ей мать. Теперь же, если она нацеливалась на какую-нибудь симпатичную вещь и сигнализировала об этом Артёму, он безропотно переводил ей нужную сумму на карту. Она была в курсе, какими средствами располагает её друг, и не требовала невозможного, но и скромницу из себя не строила. Хороший он всё же, Артёмчик... Старомодный и добрый. Податливый. Как он сохранил себя здесь, в этой помойке?

Странно, что никто из её соратников сегодня не выходил на связь.

И Вовка тоже молчит. Всё-таки не чужой человек... Или он, побывав на нескольких их собраниях, всё же испугался?

Володя Яснот!

До конца прошлого года она не виделась с ним. Последний раз – на выпускном вечере. В их школьной группе в Ватсапе он почти не писал, и она стала забывать о нём, хотя последний год в школе у них случилось что-то вроде взаимной влюблённости. И вот, недели за две или три до Нового года, она столкнулась с ним нос к носу прямо около входа в метро «Белорусская».

Тогда она ещё не познакомилась с Артёмом.

Они завернули в ближайшее кафе, выпили пива и разболтались так искренне, будто только и ждали, чтобы всё рассказать друг другу спустя эти годы. Он сообщил ей, что два раза подряд не поступил в Щукинское училище, но от мечты своей отречься не собирается. От армии его освободили по причине врождённого порока сердца. Пока устроился рабочим сцены в Театр Маяковского. Будет пробовать поступить в третий раз. Майя, конечно, поиздевалась над его пороком, мол, на тебе ездить можно, какой порок? Но Вовка только грустно улыбнулся в ответ. На прощание она не дала ему себя поцеловать, но пригласила на следующую встречу их группы, объяснив это желанием представить его интересным людям. Она свято верила, что им нужно регулярно привлекать новых людей, что в этом залог успеха. Разумеется, в самые секретные планы с первого раза никого не посвящали; всё походило на дружескую вечеринку

с вольнодумными разговорами, туда можно было приходить с подругами, друзьями, не имеющими к их организации никакого отношения, но если человек виделся годным, не отмалчивался, демонстрировал своё неприятие режима, к нему присматривались, прощупывали, а потом вводили в более узкий круг. Именно этот круг теперь собирался у Артёма в библиотеке. Кстати, она рассказала Володе о Веронике Трезубцевой, и тот теперь не пропускает ни одного её текста. Иногда пересылает Майе кое-какие её цитаты.

Всё же ей в голову пришла гениальная идея! Внешне их сходки не отличить от обычного кружка по интересам в московской читальне. Никто ничего не заподозрит.

Стоило ли втягивать в это Артёма?

Она допила кофе и задумалась, хочет ли ещё чашку.

Потом заглянула в студенческий чат...

И узнала о смерти Виктории Крюковой.

На фотографии девушка выглядела удивительно счастливой.

* * *

Оставшуюся часть ночи Елисееву не спалось. Ворочался, ворочался, несколько раз встал напиться воды. У него всегда жгло и сушило горло, когда он нервничал.

Генерал Крюков сегодня предстал перед ним, каким он его не помнил. До сегодняшней ночи это был авторитетный начальник, отдающий всего себя службе, горой стоявший за подчинённых. Безупречная часть полицейской системы. А теперь он фактически выкрал из квартиры убитой вещественные доказательства и вовлёк в этот беспредел своего зама. Елисееву никогда не пришлось бы в голову донести, но... После разговора с шефом в него проникло нечто искривлённое, неправильное, что необходимо распрямить в себе. Но как? В его карьере встречались сложные дела. Но это ни на что не похоже. Полный туман. Ещё и генерал чудит.

Часов в шесть утра он, немного всё же подремав, проснулся, оделся и поехал на работу.

Москва просыпалась неохотно, ранние люди задумчиво шли по мостовым, магазины, лавки, кофейни ещё не открылись, холодная зимняя бесприютность текла из дворов на улицы и останавливалась у проезжей части. Дворники кое-где скребли снег с привычным отвращением к этому занятию. Почему-то сейчас он особо остро ощутил в Москве что-то византийское. Когда учился в школе, история Византии буквально сводила его с ума. Он скупал все книги по этой теме, что находил. И вот теперь его уставшее за непонятную тревожную ночь воображение приписывало сталинскому ампиру Кутузовского проспекта тайное византийское значение.

Первая версия, что они вынуждены сразу принять во внимание, – это месть генералу Крюкову. За жизнь полицейский обретает массу врагов, смертной казни у нас нет, а потому самые отъявленные мерзавцы рано или поздно выходят на свободу и, разумеется, сразу же принимаются за старое. Им ничего не стоит посчитаться с теми, кто их когда-то поймал. Необходимо изучить жизнь братьев Рахметовых и все закончившиеся посадкой дела, которые вёл Крюков. Нет ли пересечений? Слава богу, теперь в базах всё систематизировано, и такая работа не займёт много времени. Есть ли у самого генерала какие-то подозрения? Наверное, нет, иначе бы он ими поделился. Или?..

Второй вариант предполагаемого развития событий Елисеев всё же связывал с тем, что Вика могла вляпаться в какую-нибудь историю, встретить не тех людей и пойти у них на поводу, что и привело к такому страшному концу. Версия, конечно, слабенькая, в её пользу мало что говорит, но отметить её совсем нельзя...

Дежурный с флегматичным недоумением посмотрел на столь рано явившегося на работу полковника. Елисеев зафиксировал для себя, что на посту новенький. Раньше он его не видел. Как только полковник двинулся в сторону лифтов, дежурный достал мобильник, посмотрел задумчиво на экран, потом убрал обратно в карман.

«А вот оружие у неё в квартире подтверждает существование неизвестных факторов, никак никуда не укладывающихся. Встрячь она, конечно, куда угодно могла, но не до такой же степени! Кто-то подкинул ей стволы. Это несомненно. Этот кто-то преследовал свою цель. Её следует разгадать. Это тот же неизвестный, что навёл раменских оперов на хату Рахметовых? Может быть, и так, но доказательств пока никаких. Кому на руку выставить Вику в таком свете? И главное, нет никакого мотива. Ни у кого. Тупик», – продолжал размышлять Елисеев.

Он открыл свой кабинет, разделся, опустился на стул, но сразу же поднялся. Отец всегда наставлял его: при ходьбе лучше думается. Елисеев принялся вышагивать. Ему не давал покоя информатор Алиханов. Слишком уж неправдоподобным выглядела вся его история. Какие-то молодые торчки... А опера из Раменок? Не странно ли, что они так быстро и рьяно отреагировали на сигнал? Но как это всё можно объяснить? Или он чересчур заикливается на этом? Хотя генерал тоже чувствует: здесь что-то не то. Но что?

Сергею Туманову, следователю хоть и молодому, но с хорошей хваткой, он поручит сходить в РГГУ. Это важно. Каждый, кто общался с Викторией последние дни, способен дать хоть маленькую зацепку. Из близких у неё в Москве – только генерал. Родители – в Сербии на дипломатической работе. Вероятно, вот-вот прилетят в Москву. Как их допрашивать? Только с разрешения генерала? Какова их близость с дочерью? Делилась она с ними чем-то?

За дверью кто-то начал двигать мебель, производить другие звуки. Секретарша пришла. Он обладал удивительной способностью делать всё шумно, будто постоянно стремилась заявить о своём существовании, не допустить, чтобы о ней забыли.

Его кабинет сейчас как будто содержал пространства больше, чем необходимо для того, чтобы сосредоточиться.

Он набрал номер специалиста по компьютерным технологиям. Он знал его как лучшего в своём деле. IT-службу в полиции только собирались создать, но работники этой сферы уже вовсю участвовали в следственных действиях. Добрая половина жизни человечества теперь проходила в Сети, отражаясь на разных устройствах. Грязи там хоть отбавляй.

Через несколько минут появился немногословный парень, выслушал просьбу полковника и, бережно взяв ноутбук, удалился. Елисеев уже обращался к нему, и он никогда не подводил. Полковник был уверен, что он никому не проболтается, а все сведения передаст ему и больше никому.

Постепенно информация, собранная членами следственной бригады, стекалась к Елисееву.

Эксперты не установили точное время смерти, поскольку тело находилось в воде, но предположили, что между удушением и погружением в ванну прошло не больше часа. Но это не определено. Вены действительно искололи неумело, напоказ. Непонятно, на кого это было рассчитано. Совершенная бессмыслица, на которую никто не клюнет. В крови девушки наркотических веществ не обнаружили. Только следы амфетамина на коже. Коловший так в вену и не попал. Значит, не наркоман. Опыта нет. А кто тогда? И зачем этот театр? Или же Вика незадолго до смерти сама решила заточить, но по неопытности не смогла уколоться? Отпечатков пальцев в квартире нашли целую кучу. Но с их базой, кроме пальчиков самих братьев, ничего не совпало. Шприц также отыскать не удалось.

Елисеев живо представил, как какая-то мразь приподнимает руку Вики из воды и суетливо тыкает шприцем в вену. Руки у него дрожат, он только что убил девушку. Похоже, новичок. Но следов не оставил. Тоже странность.

Туманов доложил результаты просмотра записей с камеры у подъезда Рахметовых. Он занимался этим почти всю ночь – сейчас нельзя медлить, – глаза его покраснели, а веки налились тяжестью. Каким бы странным это ни выглядело, но камеры не зафиксировали момента, когда Вика входила в подъезд, – ни вчера, ни позавчера.

Елисеева так это поразило, что он попросил Сергея показать ему всё, что тот отсмотрел. Вдруг Туманов от усталости что-то пропустил? Сергей не подал виду, что ему неприятно такое недоверие.

Елисеев собирался пройти в комнату, приспособленную для просмотра, но Туманов сказал, что перебросил записи на флешку. Иван включил компьютер. Камера располагалась так, что не давала чёткого представления о каждом входящем и выходящем, но Вики и никого хоть минимально похожего на неё среди них точно не было. Елисеев сломал все глаза, возвращал назад, увеличивал до предела. Предположить, что она переделалась, изменилась до неузнаваемости и устроила маскарад? Это идиотизм.

Но как-то она попала в эту квартиру? Живая или мёртвая? А если мёртвая?

Что ещё в этих записях? Вот Рахметовы возвращаются, входят в подъезд, спокойные, не встревоженные. Через некоторое время вбегают опера из Раменок. Так. Как они открыли дверь с домофоном? Как раз когда они собирались войти, из подъезда кто-то вышел, и они легко проникли внутрь. Совпадение? Скорее всего.

– Сергей, давай-ка ещё посмотрим камеры во дворе.

– Их там нет. Я проверил...

– Ну, тогда опрашивай всех, кто мог что-то видеть. Бабушки, дети, ремонтники, жители, любящие посидеть и поглазеть в чужие окна.

– Время потребуется.

– Его нет. Завтра за тобой РГГУ. Оттуда надо выудить что-нибудь полезное для нас.

Карандаши и ручки в стаканчике на столе мечтали, чтобы кто-нибудь их взял. Но Елисеев давно к ним не прикасался.

* * *

После очередного визита к врачу, ради которого пришлось подняться ни свет ни заря, Вера Колесникова отправилась в центр города. Сразу возвращаться домой тяжело. Болезнь быстро приучила к себе, и, чтобы избыть её, требовалось нечто большее, чем просто воля. Ещё требовалось движение, иные энергии, сочетаясь с которыми она дополнила бы свою силу до той, что хватит и для борьбы с недугом, и для осуществления её плана.

День выдался нечёткий, мокрый, хлюпающий.

В Самаре центральная часть не декоративная в отличие от многих городов Поволжья. До сих пор на перекрёстках, в перспективе улиц, в лепнине, в стрельчатых окнах костёла, в напряжённой повадке православных храмов, в частоте и разнообразии витрин сквозило купеческое чайно-самоварное величие.

Вера, высоко подняв воротник зимнего пальто, неспешно шла по Самаре. Вот всё и прояснилось. Судьба решила не томить её безвестностью. Жизненный план теперь определён. Завтра начнутся процедуры в местной больнице, а через две недели ей предстоит улететь в Париж и продолжить лечение в Институте Кюри, если Александру удастся всё же оформить кредит. Его одноклассник, ныне банкир, взялся помочь, но ничего не обещал. Сумма слишком велика. Доктор после согласия на лечение во Франции резко потеплел к ней, общается не как с пациенткой, а как с родной.

Как она себя чувствует сейчас? Готова ли к тому, что её ждёт? Ни муж, ни сын, ни, как ни странно, даже лечащий врач об этом не спрашивали. Это немного обижало её, хотя она и сомневалась, нужны ли эти вопросы. Говорят, после химиотерапии состояние ужасное: слабость, тошнота, аппетита нет, депрессия. Скоро она это испытует на себе сполна.

Она робко спросила у доктора, почему именно Франция. Она слышала о Германии и Израиле как о лидерах в области онкологии. Тот отозвался почти зло: «Тот вид рака, что у

вас, как я уже вам объяснял, очень редкий, и самая эффективная методика пока у французов. Но если вы хотите в Германию или Израиль, я не могу противиться. Но тогда вам придётся сменить доктора. Да и процент тех, кто поправился, во Франции выше, чем в той же Германии или Израиле».

Вера пристыженно пролепетала, что согласна на всё, что доктор считает нужным.

Вера не была таким любителем чтения, как младший брат, но ей было приятно, что Самара связана с Алексеем Толстым. Читая первую часть «Хождения по мукам», она наслаждалась почти ощутимым тёплым паром, поднимающимся от каждой строки. Никогда больше она с таким не сталкивалась. Самара в романе описана во времена Гражданской войны, и ужас перехода городов от красных к белым и назад так явственен, что хочется молиться, чтобы такое не повторилось.

Улица Алексея Толстого притягивала, но Вера не поддалась – она задумала спуститься к Волге. Самара за те годы, что она прожила здесь, не затмила, конечно, Москву, но вошла в неё глубоко, обрела голос и характер, и теперь Вера советовалась с городом, как с человеком, искала сочувствия и поддержки. А без Волги тут не обойтись. Волга в этом городе главное всего.

От воды дул сильный, обжигающий, но при этом не злой ветер. Где начало этого ветра? Где-то далеко-далеко в приволжских полях он закрутился и полетел, или он разгонялся в бескрайних русских лесах, набирая силу в борьбе с могучими стволами, прорываясь сквозь упругие преграды ветвей? Здесь в нём пела в полный голос надежда на свободу, на то, что мир – это простор, который исцелит от всего, который больше и сильнее всех горестей и болезней.

«Вот я и пришла», – почему-то подумалось. Дальше между парашютом и водой начинался небольшой пляж. Сейчас он был обильно засыпан снегом. Его пересекала дорожка чьих-то неведомых следов. «Такие маленькие! Неужели здесь ребёнок бегал один? Кто же его отпустил сюда?» – удивилась Вера.

Когда была помоложе, она любила летом, в жару, прийти сюда, быстро раздеться, сложить вещи, войти в воду и поплыть, забывая обо всём, отдаваясь мерному ритму гребков.

После замужества её жизнь многие годы тождественна заботе о близких. Работать Саша ей никогда не разрешал, пребывая в уверенности, что женщину работа преждевременно старит. Даже когда жили совсем скудно и она рвалась устроиться хоть куда-нибудь, он упирался. И побеждал. Для него это принципиально. Он глава семьи, он кормилец. Вот и сейчас, если бы не муж, никакой надежды не было бы. Доктору она пока не сообщила, что денег на лечение, даже на первый взнос, ей пока не наскрести. Она привыкла верить, что Александр со всем справится. Он не всегда справлялся, но её веру это не подрывало.

Иногда Вера жалела, что образование – она окончила биофак МГУ – ей не пригодилось. Порой читала в Интернете о новых биологических исследованиях, и сердце её замирало. Она могла бы проявить себя в науке! Совершенно точно могла бы... Её биофак – это не филфак Артёма. Филологи не очень-то нужны в таком количестве, если посмотреть правде в глаза. Хорошо, что он благодаря папе на таком хорошем месте очутился. Папа всю жизнь о нём пёкся как ни о ком другом. И понятно почему. Но Артём словно не замечал этого. Воспринимал как должное. Теперь у него и зарплата приличная, и работа не самая тяжёлая в мире. А иные его однокурсники, поди, и забыли давно про своё образование. Занимаются всем подряд, лишь бы семьи прокормить. Жаль, что Артём с отцом так и не преодолели то давнее, ни разу не поговорили начистоту, отчего всё так. Отец не решился, а Артём не нашупал. Отец боялся, а Артёма некому было подтолкнуть, сделать так, чтобы он вылез из своего спасительного кокона, рискнул порвать его. Вместе с отцом они бы горы свернули. Но они были порознь. Вина... Вина – это самое долгое и самое страшное, особенно если по большому счёту никто не виноват. Теперь, когда она в таком положении и никто не знает, как всё сложится и сколько ей ещё отмерено, только младший брат способен распутать этот застарелый узел, который никто уже

не берёт в расчёт, но который так много сдерживает. С его характером выдюжит ли он? Не слишком она жестока к нему? И не превратится ли это в спусковой крючок? Не вернётся ли то страшное? Шансов на самом деле немного. Но она попробует. Тот вариант, что она избрала, – самый сложный, но единственный. Один старый писатель, друг Александра, как-то во время застолья признался, что раньше начинал каждый роман с ощущением, что вся жизнь впереди и он всё успеет. А когда старость пристроилась рядом – в любом тексте, за который он принимался, жил страх. Страх этот питался предчувствием скорого конца. Примерно то же самое теперь испытывает она.

Вера ещё долго стояла, облокотившись на холодные перила, глядела на замёрзшую Волгу, но не видела её. Чему-то улыбалась.

Лизе они пока ничего не сообщат. Так они с мужем сегодня договорились. Она такая импульсивная, что её реакция может быть непредсказуемой. А этого им сейчас не надо. Всё должно идти по плану.

* * *

Артём проспал до часа дня. Сразу, как попал после поезда домой, – залёг. Похмелье изнурило его. Проснулся от телефонного звонка.

– Боже мой, я звоню, звоню, а ты не отвечаешь! – Майя едва не захлёбывалась словами.

– Я спал. – Артём ещё не в полной мере пришёл в себя.

– Уф, слава богу. А то я чего себе только не напридумывала.

– Ну прости.

– Ты ведь помнишь Вику? Блондинку, внучку генерала полиции. Ну, одну из наших? Я тебе рассказывала про неё? Ты её, наверное, запомнил тогда...

– Да, – ответил он устало; воспоминания о сборище в библиотеке не добавляли ему положительных эмоций.

– Она погибла. Её убили. Представляешь? Просто кошмар. – Она заплакала.

– Как?

– Никто ничего не знает. Но точно убили. – Голос дрожал. – Не своей смертью умерла. Я вот думаю... Может, заедешь за мной? Мне очень тяжело. Места себе не нахожу.

– Да, конечно.

Артём быстро привёл себя в порядок, вызвал такси на Студенческую. Определённость, пусть и на короткое время, всегда придавала ему сил.

Шалимов любил начало зимы, когда холодные запахи свежи, все ощущения новы и щёки после прогулок горят. А вот февраль ему никогда не нравился. Вроде бы всё в нём почти так же, как в декабре. Но при этом всё не так. Москва напоминает уставшую женщину, ничего в жизни так и не познавшую, кроме забот, холод не бодрит, а утомляет, и мир почти ничем не пахнет.

Майя вышла из подъезда, вид у неё был смятенный, её высокая фигура в густом мареве зимнего дня словно не могла сопротивляться давлению пространства.

Поговорив с Артёмом по телефону, она вдруг задумалась о том, а не сдал ли кто-то их и не предупреждение ли от соответствующих органов смерть Вики? А если донёс Артём? Ведь она доверилась ему весьма опрометчиво. Нет, конечно, так нельзя. Так и до паранойи недолго. Никто их не предавал. Смерть Вики с их деятельностью никак не связана. Но...

Она отгоняла от себя это тягостное, но оно возвращалось и где-то внутри прорывало крошечные норки.

– Пойдём куда-нибудь? – Она обняла его, но не поцеловала. – Я сама не своя. Трясёт всю. Я бы выпила.

– Куда хочешь?

– Только не в «Европейский». Это пошлятина.

Иногда Майя весьма придирчиво выбирала рестораны, а порой они заходили в первое место, что встречалось по пути. Сегодня их занесло в паб с вызывающим нелепым названием «Аляска». Оттуда недалеко до библиотеки, где вечером соберутся вольнодумцы, друзья Майи. Соберутся без Вики Крючковой.

В такси, пока ехали со Студенческой на Чистопрудный бульвар, Майя пыталась рассказывать Артёму, какой классной была Вика, но всё время прерывалась на всхлипывания.

В «Аляске» было не шумно, просторно.

– Что-то поешь? – Артём пока не втягивал Майю в свои переживания о здоровье сестры. Ей явно не до этого.

– Кусок в горло нейдёт.

– Вы много общались с Викой?

– Как сказать. – Майя отпила «Куантро». Однажды попробовав этот напиток, она теперь его предпочитала всем другим. – Мы учились вместе больше двух лет, но по-настоящему сблизились весной. Почти случайно. И сразу поняли, что о многом судим одинаково. Я её свела с нашими. Она была цельная, даже жестковатая. Умная. Много читала. Не выносила тупиц. Не болтала зря. Ты же помнишь, как она на прошлой встрече ратовала за нашу активность в соцсетях, за создание новых групп, каналов? Её волновало дело, а не пустой трёп. Дико жаль её. Я всё ещё не верю... Будто кто-то вот-вот скажет, что это ошибка.

– Если она из такой семьи, откуда в ней столько протеста?

– Я не спрашивала. – Майя посмотрела на Артёма испытующе. – Может, возмёмшь себе что-то алкогольное? Помянем.

При мысли о спиртном живот сводили судороги, но Артём решил не обижать Майю.

В кафе, на специальных стойках у выхода, можно было взять разные газеты. Пока Артём заказывал пятьдесят граммов «Мартеля», Майя поднялась со своего места, направилась к стойкам и взяла последний номер «Молодёжки». Вернулась, нетерпеливо полистала, покачала головой:

– Что-то Вероники Трезубцевой сегодня нет. Обычно по четвергам всегда.

– А кто это?

– Ничего себе! Ты не читаешь её? А ещё учёный человек...

– Нет. Просвети.

– С этой осени она пишет в «Молодёжке». У неё куча поклонников. Почитай, тебе понравится. У неё всё как бы впроброс. Ничего не оценивает, предоставляет это читателям. Но всё остро и правдиво. У неё аккаунты и в Инстаграме, и в ФБ, и в Телеге, везде. Подписчиков немало. Она в топах.

– Прямо Моргенштерн от прессы.

– Видишь как... Моргенштерна ты знаешь, а Веронику Трезубцеву нет. Кстати, интересная у неё модель поведения. Лично нигде не появляется, не светится. Тексты её есть. А самой её нет. И фотографий тоже нет. Неуловимая... невидимая... Круто! Это только подогревает публику. Молодец она. Ладно, давай помянем Вику. Пусть земля ей пухом...

Они выпили, не чокаясь. До дна. Несколько картинно получилось.

– Она прямо как Пелевин. Тот тоже нигде не показывается.

– Мы прямо как богатые люди. «Куантро», «Мартель»... – Она слабо и невесело улыбнулась. – Как ты съездил? Извини, я не спросила сразу. Меня так потрясла гибель Вики...

– Плохо. У Веры рак.

– Как? У твоей сестры? Боже, боже, боже! Что же за день такой? Что говорят врачи?

– Ситуация сложная. Надо лечиться за границей.

– Возможность есть?

– Сейчас решается. – Делиться с Майей болью не получалось.

– Это, наверное, ужасно дорого.

- Да. Недёшево. Верин муж достанет денег, я уверен. Я помогу, чем могу.
- Обязательно сделайте что-нибудь. Здесь её загубят. Тут медицина – на уровне племени.
- Я так привык, что она всегда есть. Всегда незыблема, счастлива. Такого даже с родителями не было. К их уходу я был готов.
- Не хорони её раньше времени. Пойдём прогуляемся? Вроде не холодно. – Майя потянулась за висящей на соседнем стуле курткой. – Мне что-то не сидится. Прости.
- Артём подозвал официанта. Рассчитался.
- Потом они бродили по переулкам вокруг Чистых прудов. Бродили бесцельно. Майя держала его руку в своей и непривычно много говорила.
- Вера просила тебя приехать, чтобы сообщить о болезни?
- Да. Выходит, так.
- Ты поддержал её? Она ведь за этим тебя вызвала. О болезни можно и по телефону сказать...
- Как мог.
- У тебя есть какие-нибудь накопления?
- Представь себе, нет.
- Чёрт! Где же они достанут деньги? Банки станут их мурыжить. Я слышала, сейчас проценты грабительские.
- Разберутся.
- Ладно! Будем надеяться на лучшее. Ты знаешь, я уверена, что смерть Вики закономерна. Я всегда, глядя на неё, думала, что такие люди здесь не нужны. Она почти идеальная... А вокруг всё неправильно.
- Да. Очень жаль её. Кто же поднял на неё руку? – Артём вел себя неуместно, осознавал это, но продолжал.
- Непоправимость внезапной смерти людей, с которыми был знаком, хоть и шапочно, превращает человека в неуклюжую бесчувственную куклу.
- Нам, пожалуй, пора создавать ячейки в других городах. Я права? А то топчемся на месте.
- Артём невероятно удивился, что она спрашивает это именно у него. Он даже остановился и изумленно уставился на неё. Чудом уцелевший в московском строительном бесчинстве Кривоколенный переулок удивлялся вместе с Артёмом.
- Ты примерно представляешь себе, что с вами будет, если вас накроют? – Он наконец произнёс то, что долго вынашивал. – Или ты не в себе?
- Ты ведёшь себя так, будто ты мой папа, – зло отреагировала Майя.
- Ты слышала что-нибудь о пытках?
- Не знала, что ты такой трус. Может быть, ты не за меня, а за себя боишься? Ты ведь теперь наш сообщник. – Она зло рассмеялась.
- Артём с досады сплюнул на асфальт:
- Просто поразительно! Ты же умная девушка. А несёшь чушь.
- Естественно, я умная. А чушь несёшь ты.
- Майя прошла несколько шагов, не оборачиваясь, потом всё же оглянулась:
- Пойдём! Без тебя нас в библиотеку не пустят. Я умная. Хочешь поссориться? Давай оставим на потом.
- Мясницкая улица недомогала от обилия машин. Окна изысканных домов с сожалением рассматривали то, что творилось под ними.
- Она быстро, не оглядываясь, пошла по улице.
- Он вскоре догнал её.
- Майя оживилась:
- Хорошо бы кофе.

Они зашли.

Девушка попросила большой латте. Артём купил ей напиток и, пока нёс, едва не пролил. Видимо, особым шиком для местных продавцов считалось налить «с горкой». «Какая бессмыслица!» – расстроился Артём.

Они сели напротив друг друга, хотя обычно в кафе и ресторанах садились рядом.

– Я вижу, что есть необходимость кое-что прояснить между нами. – Это Майя умела хорошо: взять инициативу в свои руки и, никого и ничего не жалея, высказаться. – Ты не в состоянии скрыть отношение к тому, что в последнее время тебе открылось. Я имею в виду наше общество, наши планы, чаяния.

– Не то чтобы...

– Не перебивай. Понимаю, что мы раньше никогда этого не обсуждали. Когда мы только познакомились, я полагала, что рано. И вот, когда мы теперь близки окончательно, целиком, как мне казалось, доверяем друг другу, я решила, что ты примешь меня такой как есть, будешь уважать то, что для меня важно. Похоже, я ошиблась. Ты капризничаешь... Это горько...

Пауза повисла. Никому б никогда не пришло в голову назвать её мхатовской.

– Я беспокоюсь за тебя. – Артём не собирался уступать. – Я уже говорил, что, если вас поймут, не пожалеют. Сломают жизнь. Это стоит того?

– Это низко.

– Что? Беспокоиться?

– Скрывать за заботой свою... своё малодушие.

– Хотела сказать, трусость?

– Да. Но не сказала. Эти люди, которые через час соберутся у тебя в библиотеке, – они для меня сейчас всё, ты слышишь? Без этого моя жизнь ничего не стоит. Если ты спросишь, кого я выберу – тебя или их?.. – Глаза Майи застыли.

– Я не спрошу. – Артём отвел взгляд.

Майя замолчала. Она разглядывала Артёма так, будто не видела его никогда. Сначала осмотрела лоб, большой и почти без морщин, если морщины и были, то малозаметные, тёмные волосы, чуть завивающиеся на концах, губы, довольно пухлые, никогда не сухие.

– Это значит, мы расстаёмся? – Майя взяла кружку, поднесла ко рту, но пить не стала, поставила назад.

– Это значит, мы идём в библиотеку.

Он улыбнулся широко, как она любила.

* * *

Его отсутствие на службе ни у кого не вызовет вопросов – так размышлял Крючков. Сына и невестку он, конечно, встречать не поедет. Как-нибудь сами... Есть дела поважнее. Он стремился в УВД Раменки. До этого сделал звонок и спросил капитана Багрова. Выслушав ответ, отсоединился.

Начальник УВД, старый приятель генерала полковник Ершов, не удивился его приезду:

– Я тебя ещё вчера ждал. Извини. Но я не знаю, чем тебе помочь. Дело у вас. В ГСУ. У нас всё забрали.

– Я не за этим.

Они, хоть и давно не виделись, обходились без церемоний. Ершов не изображал чиновничье почтение.

– Слушаю тебя.

– Меня интересует твои опера, Багров и Соловьёв. – Начальник ГСУ присел возле длинного стола.

– Позвать? – Ершов нахмурился.

– Нет. Что ты о них думаешь?

– Претензий к ним нет.

У Крючкова зазвонил мобильник. Генерал Родионов.

– Паша! Как ты? Держишься?

– Спасибо, товарищ генерал-лейтенант.

– Как идёт следствие?

– Бригадой руководит полковник Елисеев. Мне сейчас не до этого, как ты понимаешь. Сегодня прилетают родители Вики.

– Хорошо. Я свяжусь с Елисеевым. Помогу тебе. Министр просил передать, чтоб твои люди обращались по любому вопросу, касающемуся этого дела.

– Спасибо министру передай, – единственное, что смог вымолвить Павел Сергеевич.

Вчерашний звонок Родионова Крючкова насторожил, а нынешний уже нет: если человек тебе сочувствует, вовсе необязательно подозревать его в неискренности.

За время телефонного разговора двух генералов Ершов достал из сейфа чуть початую бутылку коньяка. Поставил на стол. Позаботился о рюмках.

– Я не буду. – Крючков накрыл рюмку рукой. – Скажи лучше, эти опера никогда не вызывали у тебя подозрений?

– А почему ты спрашиваешь? Что у тебя к ним?

– Я хочу разобраться, почему они так быстро приняли сигнал информатора. Не удостоверились даже, верный он или нет.

– А что им делать? Ждать, когда все нарки закупятся? Может, всё же они сами расскажут тебе? Они здесь. В отделении. Позвать?

Над головой Ершова Владимир Путин спокойно и дружелюбно смотрел куда-то вдаль.

– Лучше дай мне их личные дела и все их операции за последние пару лет.

– Это долго.

– Постарайся быстрее. Буду ждать. И проводи меня до машины.

– Прости меня. Но ты ведь не для этого приезжал, чтоб про оперов у меня узнать? Не веришь? Сомневаешься? Мы долго пасли Рахметовых, они торговали по мелочи. Дождались большой партии. И накрыли. Что не так?

– Почему их отпечатков на пакетах нет?

– Да зачем они? Не знаю. Стёрли. Брали в перчатках. Сейчас бандиты осторожные. У каждого по три адвоката. Когда вы вернёте их нам, мы разберёмся.

– Почему мы их вам вернём? – Крючков насторожился.

– Если вернёте.

– Известно, откуда они столько наркоты получили?

– Нет. – Ершов еле заметно смутился, нервно налил себе коньяку, залпом выпил.

– Ладно. Пошли, проводишь меня до машины.

На улице Крючков передал Ершову туго завернутые в одеяло два травмата и два охотничьих карабина:

– Сними по-тихому с них пальцы. Сверь со всеми базами. Сможешь?

– Для тебя – да.

Мужчины пожали друг другу руки.

На прощание Крючков сказал:

– Всё же последи за этими операми повнимательнее. И про стволы никому ни слова. Так надо.

Из окна за этими манипуляциями очень заинтересованно наблюдал опер Багров.

Крючков постарался, чтобы его визит заметили все, кому надо. Если он прав, то подонки занервничают. А если нет?

Куда теперь?

Боль никуда не делась и, наверное, уже не денется. Можно немного её заглушить делами, хлопотами, можно убеждать себя в необходимости выдержки, спокойствия, но по-настоящему это не пройдет никогда. Только он сам в состоянии почуять убийцу. Вика – его кровь, он её наблюдал с детства, он не ошибётся. Как устроить всё так, чтобы Елисеев был максимально полезен в этом? Похоже, он очень напрягся из-за его вчерашнего визита.

Телефон Вики до сих пор не нашли. Значит, его забрал убийца. Значит, в телефоне было что-то, способное его выдать. Значит, Вика его знала. Или убийца просто не хотел, чтобы телефон запеленговали? Не похоже, что он такой хладнокровный. Тогда что?

Он подумал, что хорошо бы выяснить у Елисеева, нет ли чего нового, но потом решил не дёргать группу. Не сомневался: Иван сразу же поставит в известность, если его ребята до чего-то докопаются. С субординацией у него всё в порядке.

Вернувшись в свою квартиру, он сразу же пошёл на кухню, открыл форточку. Дышать легче не стало. Окна выходили во двор, грустные зимние деревья ничем не интересовались.

Здесь ему сейчас лучше всего. В комнатах наваливалась тоска, душила. Сегодня он попросил домработницу не приходить.

Он положил перед собой сотовый. Начал перечитывать все последние сообщения от Вики в поисках хоть какой-нибудь зацепки. Каждое утро она ему писала. Один текст похож на другой. «Всё хорошо». «Всё в порядке». «Хорошего дня тебе, дедушка».

Чёрт! Ему надо было больше спрашивать её о друзьях, о том, как проводит свободное время. Она регулярно общалась с матерью и отцом по Скайпу, по телефону. Может быть, она с ними откровенничала? Хотя бы с матерью...

Он погрузился в воспоминания. И одно из них вспыхнуло сейчас ярче других. И как оно раньше не всплывало?..

Это случилось осенью. Вика ни с того ни с сего предложила ему прогуляться – погода изумительная.

– Ты вон пополнил от своей сидячей работы большого начальника, – подначивала она. – Надо ходить, ходить...

Крючков тогда разозлился на неё за столь неделикатное замечание, отпирался до последнего, но она его всё же уговорила.

Они прошлись по залитой мягким солнцем Остоженке, перешли Крымский мост, углубились в Парк культуры, забитый людьми, самокатами, колясками.

Вика проголодалась. Ресторан оказался рядом.

Они только сели, как её окликнула девушка. Вика ей обрадовалось. Подошла к столику, где та сидела, что-то коротко с ней обсудила.

– Знакомая? – поинтересовался генерал.

– Да. Соня Короткова. Журналистка из «Молодёжки».

Крючков разволновался, вспомнив сейчас это. Правильной ли осталась в памяти фамилия? Посмотрел в Интернете телефон газеты. Набрал. Голос требовал нажать добавочный.

Тогда он почти прыжками добрался до вешалки, наспех оделся, вышел из квартиры и побежал вниз по лестнице.

Почему он так торопился? Просто потому, что всё теперь надо делать быстрее.

Его удостоверение позволило без каких-либо препятствий добраться до главного редактора «Молодёжки», человека степенного, с аккуратно подстриженной бородой. Осознав, кто перед ним, он превратился в самую любезность. Предложил кофе, чай, что-то покрепче.

«Почему все предлагают мне покрепче? Собираются этим задабривать генерала-мента?» Крючков от всего отказался.

– Меня интересует ваша сотрудница Софья Короткова.

– Боже! Что она натворила?

– Пока ничего. – Крючков бесщётное количество раз слышал этот вопрос.

– Она у нас очень на хорошем счету. От неё мы получаем самые острые материалы – и криминальную хронику, и журналистские расследования. А... вы по поводу какого-нибудь её материала? Мы всё можем уладить. Мы всегда неплохо ладили с правоохранителями. – Главред задействовал всё свое обаяние.

Крюčkова раздражала его льстивая суета.

– Мне с ней надо поговорить. Тет-а-тет.

– Вы предлагаете мне вас оставить тут вдвоём?

– Да.

Редактор, недовольно покачивая головой, перебрался в приёмную.

Через несколько минут в кабинет вошла девушка среднего роста, с причёской каре и немного ширококатыми плечами,

– Я дедушка Вики Крючковой. – Он не поприветствовал её умышленно: сейчас для него все подружки внучки – косвенные виновные.

– Я знаю, кто вы. – Соня погрузила слова в мягкое сочувственное марево. – Я потрясена. Такое горе. Я очень любила Вику.

Лицо генерала оставалось непроницаемым. Короткова мялась, не решаясь присесть.

– Ты когда её видела в последний раз?

– Я не помню. Достаточно давно.

– Но вы списывались, созванивались?

– Разумеется. Но не слишком часто. У нас были схожие вкусы касаясь кино. А почему вы спрашиваете именно меня? У неё наверняка имелись подружки и поближе.

Генерал не привык отвечать на вопросы тех, кого допрашивал.

– Она не делилась с тобой, есть ли у неё молодой человек? – Генерал смотрел не на Соню. Куда-то в сторону.

– Нет. Я же сказала, мы не настолько были близки, чтобы доверять что-то личное.

– А что вас связывало?

– Мы подружились в Сети. Потом иногда встречались. Это допрос? Меня в чём-то подозревают? – Соня пыталась перейти в наступление.

– Она могла принимать наркотики?

– Да нет, конечно! – Соня почти прокричала это.

– Она никогда не упоминала при тебе братьев Рахметовых?

– Нет. Кто это? – Соня впервые за разговор искренне удивилась. – Найдите их обязательно. Тех, кто это сотворил. Найдёте? – Соня всё искала глаза дедушки Вики, но он не отдавал их её взгляду.

Больше вопросов он ей не задавал. Закрыв глаза, запрокинул голову. Замер.

Соня восприняла это как сигнал, что она свободна.

Дверь в кабинет главного прикрыла очень тихо.

Крючков не сомневался, что журналистка врёт. Врёт во всём. Почему?

* * *

Шульман появился в Управлении ближе к обеду. Сразу прошёл в кабинет к Елисееву. Тот разговаривал по телефону. Давид услышал только концовку:

– Слушаюсь, товарищ генерал-лейтенант.

Елисеев положил трубку. Сейчас не так часто пользовались стационарным телефоном, только в случае звонков высокого начальства.

– Генерал Родионов звонил. Сообщил, что дело на контроле у министра. Требуется результатов. Торопит. Я такой суеверный что-то не припомню. Только мешаются. Тьфу! – Елисеев нервно крутанулся в кресле.

– А он-то здесь при чём? Он же антитеррором занимается. – Шульман, лицо которого привычно жило своей жизнью, изобразил гримасу человека, только что разжевавшего лимон.

– Предупреждает, что молодёжь нынче сложная, с разными фокусами в голове. При чём здесь это? Спрашивает, обыскивали мы квартиру убитой или нет? А как её обыскать? Ордер нужен. Без Крюкова как? Что у тебя?

Давид потёр глаза, потом громко, как из пушки, чихнул, услышал от Елисеева «Будь здоров!», ответил «Спасибо». Начал рассказывать. В его тоне слышались нотки романтические, как всегда в случае с Шульманом, не особо уместные. Иногда казалось, что в этом человеке не хватает какого-то винтика, детали, отвечающей за соответствие его поведения тому, что он делает или говорит. Однако этот сбой совсем не мешал ему, только окружающим, и то лишь тем, кто к нему не привык.

– Вчера вечером, как только мы расстались, я немного поторчал около дома Алиханова. Дай, думаю, посмотрю, как он ночь будет проводить. Как-то беспокойно он с нами распрощался. Вдруг намылитесь куда? Но наш голубчик больше порт приписки не покидал. Я только намёрзся и простыл. – Он закашлялся. – Ушёл я ни с чем спать и пожалел, что не воспользовался вашим, товарищ полковник, предложением домой меня подбросить. А сегодня с утра пораньше прогуляться на Дорогомиловский рынок пришло мне в голову, точку нашего дорогого Тиграна проведать, вдруг там наркоши молодые, что на притон Рахметовых Тиграна навели, обретаются. Он же нам так убедительно о своей жалости к ним поведал: дескать, и кормил он их, несчастных, и поил, и привечал всячески, в оперативных, разумеется, целях. Взглянуть бы на них хоть одним глазком. Так вот, никаких таких торчков, хоть минимально похожих на описанных доблестным помощником правоохранительных органов, никто там никогда не видел. Там у меня кое-какие знакомцы имеются. Они меня за нос водить не станут. Бьюсь об заклад, что их не существует вовсе, этих, как его... Толяна и Тузика. Фантазия, кстати, у нашего Тиграна так себе. Толян и Тузик. Смешно. Вот выдумщик...

– Так. – Елисеев откинулся на спинку кресла. – Значит, мы с тобой не ошиблись. Тигран врёт. И зачем ему это? Давай-ка сходим к технарям, посмотрим кое-что на камерах, что называется, для уверенности.

Он резко поднялся. Хорошо, что он сегодня, среди прочего, дал распоряжение доставить видео с камеры у подъезда Тиграна.

Кабинет с видеопросмотром располагался в другом конце здания. Быстрее дойти туда, чем ждать, пока из видео выделят нужный фрагмент и перекинут на комп Елисееву.

Стены в коридоре пестрили объявлениями. Коллектив ГСУ жил, как и все другие, отмечал праздники, сбрасывался на подарки, люди информировались об изменениях в системе медицинского страхования и том, где какие документы можно получить.

Шульман нетерпеливо потирал руки, Елисеев также чувствовал, как в нём нарастает азарт. Так неизменно случалось, когда в деле появлялся намёк, что следствие на правильном пути. Однако на этот раз их прогнозы не подтвердились.

Они пересматривали запись несколько раз, пытаясь зафиксировать момент, когда опера предупредила Тиграна, что ему не нужно говорить правду, а следует выдумать версию с торчками. Не верили своим глазам, но ничего похожего на то, что они ждали, на кадрах не запечатлелось. Смотрели ещё и ещё, но результат тот же. Выходит, они предупредили его по телефону? Дураки! Ведь это легко проверить. Или они заранее его проинструктировали, как вести себя в критической ситуации, и он был готов?

– Ну что? Надо звонить в прокуратуру и запрашивать разрешение на наружку оперов и Алиханова? – обрадовался Шульман. – И телефоны их надо взять на контроль. Проверить их звонки и сообщения вчерашние. Вот всё и сойдётся.

– Это мы успеем. – Полковник задумался. Ему казалось, они что-то упускают.

Около двери Елисеева топтался Сергей Туманов.

– Есть важная информация... – начал он, завидев их. – Товарищ полковник, я только что от дома, где проживают Рахметовы. Походил по двору, расспросил бабушек, что гуляют с внуками, и выяснил, что утром того дня, когда был обнаружен труп Виктории Крючковой, во дворе с утра гудела огромная машина с подъёмным краном, и с неё, по всей вероятности, что-то через окна передавали в дом. Как раз на втором этаже, где окна Рахметовых. Одна бабушка уточнила, что окна у них в доме широкие, а лестницы узкие, и, когда-то кто-то въезжает, иногда мебель через окна в квартиры доставляют.

– Вот оно как! И во сколько это было? – Елисеев жестом пригласил Шульмана и Туманова пройти в кабинет.

– Они точно не помнят. Говорят, часов в десять утра. Но машина шумела и пыхтела раньше. Они жаловались, что всех перебудила и дышать от этой гари было невозможно.

– Ну что же! Теперь ясно, почему камеры у подъезда нигде не зафиксировали Вику. Надо срочно связаться с местным «Жилищником». Отправляли они машину для работ в этот двор или нет?

– Уже сделано. Говорят, там действительно был ремонт. Меняли газовые трубы, что идут по периметру всего дома. Завтра обещают пригласить газовщиков.

– Ладно. С этим спешить не будем. Никуда они не денутся... Завтра так завтра. Газовщиков возьми за горло. Наверняка их рук дело, но они будут молчать до последнего.

Когда Туманов ушёл, Елисеев посмотрел на Шульмана:

– Видишь, оно как.

– Вижу. Да только кому всё это потребовалось? И зачем? Пока у нас ни мотива, ни подозреваемого настоящего. Одни несостыковки только. И странности. Надо оперов дожимать. Дело в них.

На столе полковника зазвонил телефон. Он снял трубку. Выслушал.

– Час от часу не легче. Генерал Родионов вызывает в Главк.

– Кто бы мог подумать! – Шульман встал и, не прощаясь, вышел.

Елисеев услышал голос секретарши:

– Давид, почему вы никогда дверь за собой не закрываете? Как будто в траве родились, ей-богу.

Помпезное здание Главного управления МВД России в Газетном переулке призвано было показывать спокойную силу советской милиции. Потом времена поменялись, но эта уверенная архитектурная повадка оставалась по сей день.

Генерал Владимир Родионов принял сына своего давнего сослуживца радушно, чем удивил Елисеева. Отец никогда не подчёркивал, что между ними сохраняются какие-то отношения, генерал же долго и подробно расспрашивал, как живёт Пётр Викентьевич Елисеев, как себя чувствует.

На столе стояли вазочки с конфетами и печеньем, Родионов сам разливал чай, подчёркивая этим доверительный характер беседы. Елисеев продолжал терзаться: какое отношение к этому делу имеет заместитель министра по антитеррору?

Владимир Родионов выглядел молодожаво: ни двойного подбородка, ни брюшка. На лице улыбка, почти американская; усвоенное давно правило на всё реагировать улыбкой, располагать к себе людей.

– Как там генерал Крючков? Не дай бог такое пережить. Бедняга!

– Держится. – Елисеев терпеливо ждал, когда Родионов наконец скажет, для чего вызвал.
– Дело на контроле у министра. Ты понимаешь, это серьезно. Что вам удалось выяснить? Елисеев доложил, естественно, умалчивая о стволах и самостоятельности Крючкова.
– Медленно как-то всё. Медленно. – Генерал потёр лоб. Кисть его выглядела огромной, как у великана.

– Всё, что можем, делаем, – буркнул Елисеев в ответ. – Дайте время.

– Ты знаешь, я тебе не могу всего сказать, дело засекреченное, но мы сейчас напали на след одной молодёжной группы. Есть ощущение, что они способны доставить кучу неприятностей. Но все из хороших семей, никаких правонарушений. Собираются, разговоры ведут о смене режима – так они нашу власть называют. Пока зацепиться всерьёз не за что. Но таких надо в зародыше давить, я считаю. Так вот! Хочу тебя проинформировать, что там есть люди, с которыми Вика Крючкова общалась. Не исключено, они её во что-нибудь вовлекли или собирались вовлечь. Доводить это до твоего шефа или нет – решай сам.

– Но есть какие-нибудь наводки, имена?

– Есть. Но нет санкции их разглашать. Имеются люди, которые опасаются, что вы их вспугнёте, молодёжь эту. Случай непростой. Я сейчас тебе это открываю на свой страх и риск. Но ты в курсе ведь, что твой отец и генерал Крючков – не чужие мне люди. Эх, молодость! Я не хочу, чтоб вы, как слепые котята, тыкались. Не хочу! Ты ведь «Бесов» Достоевского читал?

Иван, который в этот момент всё-таки надкусил конфету, чуть не поперхнулся.

– Читал. Давно. – Он не читал, но почему-то соврал.

– Ты сюжетик освежи в памяти, освежи, лишним не будет.

Когда Елисеев возвращался к себе в ГСУ, в голове крутилось только одно: зачем весь этот цирк? С самого начала как будто кто-то направляет расследование туда, куда этот кто-то хочет. Это становится очевидным. Но не генерал же лейтенант Родионов? Видимо, кто-то ещё... Опер Багров? Что за чертовщина! Они до сих пор не разобрались, как Вика попала в квартиру братьев. Всё рассыпается. Если окажется, что во дворе дома, где проживали Рахметовы, просто работала бригада из «Жилищника» и никакое тело они через окно не передавали, всё снова погрузится во тьму. А если и передавали, его кто-то должен был принять. А где этот кто-то? Где его искать? Всё так сложно. А правда где-то рядом. И она проста.

Пора этими братьями заняться плотнее.

* * *

Майя испытала прилив нежности к Артёму. Когда они вышли из «Прайма», взяла его за щёки и длинно поцеловала. Потом заглянула ему в глаза и, похоже, не нашла там, что искала.

– Скажи, а твои товарищи что-нибудь спрашивали обо мне? Кто я тебе, к примеру? – Артём отвёл взгляд.

– Нет. У нас это не принято. Структура нашей организации такова, что каждый приводит кандидата сначала просто на вечеринку, там к нему присматриваемся, а потом уже, если он подходит, приглашаем на собрание, посвящаем в наш круг.

– Прямо гербалайф какой-то.

– Что? – Майя решила, что ослышалась. Слово незнакомое.

– Боже, ты такая юная ещё. Был в девяностых такой проект. Сетевой маркетинг. Продавали разную косметику или бады, я не помню. Там тоже каждому вменялось привести людей, увлечь их. Так они расширялись. Американская шняга. Потом куда-то сгнули они...

– Мы вообще-то ничем не торгуем. – Майю не заинтересовала эта тема.

– Я так. По аналогии.

Ветер бесцеремонно вмешивался в разговоры людей.

– Но я ведь не участвовал в вечеринках ваших? И даже слыхом про них не слыхивал. Как же меня допустили на собрание? – Артём показно негодовал.

– Ты внёс свой вклад. Предоставил место. И не ёрничай. Я так решила.

– Ясно. А что всё-таки это за вечеринки?

– Мы собираемся иногда у кого-нибудь. Мы же молодёжь. – Она задорно глянула на него. – Но не слишком часто. А ты ревнуешь?

Она неожиданно игриво схватила Артёма за нос и сразу отпустила.

Смерть Вики, болезнь Веры в итоге не прилипли к ней, хотя совсем недавно она соперничала всему искренне. По большому счёту, гибель подруги, болезнь сестры её возлюбленного никак не влияли на её жизнь. Эмоции? Да. Но эмоции рано или поздно стихают. Когда тебе мало лет, смерть – это только то, что с другими.

Майя попросилась в «чайный дом» погреться. Этот московский особняк почти на пересечении Сретенского бульвара и Мясницкой выделялся праздничным фасадом даже среди пышной московской эклектики.

Пока они пили чай, продавщица растратила все силы, чтобы уговорить их купить каких-нибудь конфет. В конце концов отчаялась и разозлилась...

Нынешний сбор Майиных соратников совсем не походил на предыдущий. Тогда в читальню ворвалась сама плоть хаоса, суета звуков и движений, неразбериха слов. Артём ещё поразился, сколько шума создаётся не такой уж внушительной группой людей. Сегодня же лица ребят были строги и жесты скупы. Они проходили в его кабинет тихо, здоровались с ним предельно вежливо. Он расположился чуть в стороне, собираясь слушать их внимательно, непредвзято, вникать. Ради Майи. И для того, чтобы определиться, кто есть он, кто есть они, как это всё сочетается и как ему со всем этим быть.

Они облепили его большой стол. Ему показалось, что людей больше, чем в прошлый раз. Никто не решался начать. Все словно чего-то ждали.

В итоге слово взял высокий крепкий парень, выглядевший старше всех

– Сегодня всё не как обычно, – обратился он ко всем. Странно, но голос его дрогнул, что никак не вязалось с его brutальным обликом.

Артём обратил внимание, что на щеке у него царапина, ещё он вспомнил, что в прошлый раз его, по всей видимости, не было, иначе он бы запомнил.

– Сегодня мы собирались обсудить, как нам сформулировать протест в соцсетях, какие создать каналы, чтобы лучше влиять на аудиторию, как избегать банов и прочей дряни. На этом, как вы помните, настаивала Вика. И вот её больше нет с нами... – Каждое предложение он проговаривал так, будто начинал что-то заново, будто предыдущее уже неважно, и его надо зачеркнуть. Перед каждой фразой он неестественно глубоко вздыхал. – И всё поменялось, стало непоправимым после её смерти. – Он часто задыхался, но вскоре успокоился.

Воцарилась напряжённая тишина. Слова застывали у всех на губах тяжёлой невидимой пеной. Из человеческих пор выделялся страх.

Кто-то обратился к Майе, которая сидела, выпрямив спину, как истукан:

– Майя, ты с ней вместе училась. Есть какие-то сведения?

– Нет. Только то, что смерть насильственная. Об этом уже все знают. – Майя смотрела в одну точку. Не желала, чтоб её расспрашивали дальше.

Неожиданно поднялась девушка со стрижкой каре, чуть полноватая, решительная:

– Кто-то из вас общался с Викой после нашей последней встречи? Лично или в Сети?

– Нет...

– Нет...

– Нет...

Отвечали все по очереди.

Артёма подмывало спросить Майю, кто из них кто, но она сидела далеко от него.

Парень с царапиной на щеке предложил:

– Может, нам стоит связаться с её дедушкой, родителями? Поддержать.

– Виктор, даже не думай, – отреагировала девушка с каре. – Её дед сегодня приходил к нам в газету. Разговаривал со мной, хотя это было похоже на допрос.

– Что спрашивал? – разволновалась Майя.

– Всякие глупости. Например, не принимала ли Вика наркотики?

– Боже... – Тот, которого называли Виктором, схватился за голову. – Вика и наркотики. Это же бред! Да и так странно, что это спрашивает её дедушка. Он что, совсем с ней не виделся? Наркоман свою зависимость скрыть не может. Какой-то фарс. – Он говорил быстро, нервно, возмущённо, чуть заикаясь, но при этом зло.

– Ещё он очень интересовался, когда я видела Вику в последний раз. С трудом сдерживал ярость, как я поняла. – Девушка зачем-то подняла указательный палец.

– Соня, ты уверена, что её дедушка не в курсе, что Вика состояла у нас? – спросила Майя.

– Не похоже. Хотя до конца мы теперь не можем быть уверены ни в чём. Её дедушка – генерал полиции. Он нам не союзник. Его стоит остерегаться.

Шалимов с каждой минутой убеждался, что Майя, Соня и Виктор здесь лидеры. Остальные внимают. На Артёма никто из собравшихся не смотрел. Его это раздражало. Бунтарством, но вежливость никто не отменял. Понятно, что они доверяют Майе и не позволяют себе подозревать, что она доверилась не тому человеку, но он же не пустое место!

Вдоль стен его кабинета тянулись стеллажи с книгами. Корешки разной высоты, как казалось сейчас Артёму, топорщились от изумления.

Майя покраснела. Он любил, когда на её щеках появлялся нежный румянец, но почему-то сейчас это показалось ему дурным знаком, признаком болезни.

– Виктор прав. Нам где-то необходимо собрать подробности. Я опасаясь, что настоящие причины её смерти вполне могут скрывать.

– Кто нам предоставит эту информацию? – Соня злилась.

– А если её гибель – это предупреждение нам? Никто в этом направлении не размышлял? – Майя окинула взглядом всю компанию.

– Это вряд ли, – ответил Майе Виктор. – До этого они не дойдут. Да и мы осторожны. Что мы такого сделали, чтобы нас убивать?

– Точно? – Майя говорила всё громче. – Я бы не была так уверена. А если нам слить инфу в прессу? – Возлюбленная Артёма внимательно посмотрела на Соню. – Та же Вероника Трезубцева могла бы за это взяться? Провести журналистское расследование? Она же всё может! Сонь, дашь ей наводку?

– Вероника Трезубцева точно не возьмётся. – Соня отвела глаза в сторону.

– Почему? – Майя недоумевала. – Вы же работаете в одном издании? Не можешь её попросить? Или как там у вас это происходит?

– Потому что Вероникой Трезубцевой была Вика Крючкова...

Когда шок от услышанного прошёл и утихли возгласы «Да ты что?», «Ну надо же!», Короткова поведала, как всё получилось и почему и она, и покойница Вика держали всё в тайне.

Когда Соня читала Викин «Фейсбук», ей приглянулся слог девушки, зрелый, образный, лаконичный. В «Молодёжке» поощряли сотрудничество с внештатными авторами, и Соня предложила Вике попробовать. Никто не ожидал такого эффекта, такой популярности, такого отклика аудитории. Вика ни разу не заговаривала о гонораре, ей важнее было высказаться. Согласно журналистской этике, да и по просьбе самой Вики, Соня никогда не открывала подлинное имя Вероники Трезубцевой никому, даже главреду. Псевдоним Вика придумала сама. К гербу Украины это не имело никакого отношения. Просто ей так нравилось.

Никто не укорил Соню, что она скрывала это от общества. Волю Вики, тем более после её смерти, никто не смел оспорить.

– Ребята, – вдруг горячо заговорил Виктор, – Вероника Трезубцева не может исчезнуть. Мы обязаны подхватить. Давайте будем писать по очереди. Соня, как ты смотришь на это?

Соня какое-то время не отвечала. Потом выдавила:

– Её не заменишь. Она была уникальна. Но давайте попробуем, конечно. Однако не обещаю, что это появится на полосах.

– Можно я первой попытаюсь? – опередила всех Майя.

Никто против этого не возражал.

Затем кто-то спохватился, что до сих пор не помянули Вики как подобает. Скинулись. Артём тоже дал пару купюр. Виктор снарядил в магазин двух парней, на вид много моложе его. Они обернулись быстро. Пока их ждали, некоторые выходили курить. Майя подседа к Артёму, спросила, не возражает ли он против того, что они посидят сегодня чуть дольше. Выглядела она смущённо. Артём, разумеется, не возражал. Он уже привык, что она не оставляет ему выбора. Но её смущение тронуло. Она перенервничала и теперь искала в нём точку опоры?

Когда он узнал о Вике Крючковой больше, её смерть расстроила его сильнее. Как рано покинула этот мир талантливая девочка! Пока революционеры горячились, он почитал кое-что из Вероники Трезубцевой. Это и правда было здорово, оригинально, со вкусом написано. Ни одного лишнего слова. Вряд ли кому-то удастся заменить её. Даже Майе...

На стол накрыли быстро. Гонцы догадливо приобрели вместе со спиртным пластиковые стаканчики и тарелочки. Рюмки и бокалы в кабинете Артёма имелись, но он их не предложил. «Так быстрее закончат», – рассудил он. Да и на всех не хватило бы.

Его неодолимо тянуло к Майе, физическое желание настигло так сильно, что он почти не контролировал его.

– В прошлый раз Вика уговаривала нас активнее вести себя в Сети, создавать аккаунты, раскручивать блоги и прочее. Виктор прав. Мы просто обязаны в память о ней заняться этим, – поставила всех перед фактом Майя. Артём не отрывал глаз от её губ. Представлял, как бы они двигались в другой ситуации.

– Кто примет на себя роль координатора? – Короткова задала этот вопрос с совершенно определённой целью. Больше всего ее пугала бесконтрольность их сетевого протеста.

– Конечно, ты, Соня. – Виктор пил водку чаще, чем поднимались поминальные тосты. Наливал себе сам.

Застолье постепенно разгонялось. По кабинету пополз шум не связанных друг с другом разговоров. Разгорячённые алкоголем вольнодумцы мечтали, как они разорвут сознание народа и заставят его свергнуть ненавистный режим. Соня крепко держала нити беседы в своих руках. «Для неё органична роль идеолога. Это новое для неё или она всегда играла эту роль? – гадал Артём. – Ясно, что дальше разговоров они ещё долго не зайдут. Журналистка это осознаёт?»

– Просто так писать посты – дело малоперспективное, – поучала Короткова. – Такого в Интернете полно. Тут и навалынята стараются, и другие. Сейчас Телеграм в тренде. Надо там сконцентрировать все силы. Создать каналы и топить правду-матку. Сейчас правда-матка ценится. Особенно если есть намёки на инсайдерские источники.

– А где мы эти источники возьмём? – удивился, похоже, уже запяневший Виктор Небратских.

– Это не имеет значения. Можно выдумывать всё, что угодно. Изображать осведомлённость. Главное – убедительность.

– Не понимаю. Это же легко проверить потом, – не успокаивался Виктор.

– Потом никто ничего не проверяет. Читают новые посты. Если мы хотим успеха, надо мочить чиновников и намекать, что перемены не за горами.

Слушая это, Артём дивился: вот она какая, оказывается, наша медийность, наше информационное пространство.

Неужели вся эта бессмысленная вакханалия способна отнять у него Майю, увести её туда, где он до неё не дотянется? Что делать? Сейчас воспротивиться или же прикинуться их союзником и вытаскивать любимую, постепенно переубеждая, шаг за шагом? Что он ей предложит взамен?

– Если мы начнём с вранья, грош нам цена, – вступил в разговор один из бегавших за водкой парней.

– Это не вранье, – обиженно ответила Соня. – Это способ подачи.

Дальше Соня популярно объяснила, как надо мракобесную деятельность министра культуры Мальдинского увязывать с коррупционными скандалами в министерстве. По её мнению, намёки на воровство больше всего раздражают народ. Из этого весь Майдан слепили. Из воровства семейки Януковича.

«Чего в них больше, – спрашивал себя Артём, – юношеского максимализма или заблуждений?» Разгорячённые молодые тела источали разные запахи. Целая палитра ароматов: пот, парфюмерия, табак. Артём подошёл к окну, чуть приоткрыл его. Никто этого не заметил. Он спокойно вернулся на своё место.

Ни с того ни с сего Майя обратилась к Артёму:

– А ты почему участия не принимаешь?

Шалимов опешил.

– Ты о чём бы писал, если бы имел Телеграм-канал?

Все затихли, ожидая его слов. Уставились на него. Кто-то с интересом, кто-то безразлично. На время он стал центром внимания. Довольно неожиданно для себя. Он уже почти смирился, что здесь он невидимка.

– Я бы писал, что власть сама провоцирует волнения, постоянно создавая разные прецеденты, что лимит на революции Россия исчерпала, и задача общества наущать власть, пытаться изменить её, но не провоцировать кровь...

– Да как же это возможно? Они давно обнаглели. Ничего слушать не будут. Их бабки им важнее всего остального, – перебил его Небретских.

– Но надо пробовать. Лучше, думаю, людей переубеждать, чем бросать под пули. Кровь порождает кровь. – Артём заводился. Он не ждал от себя такой горячности, но сегодня многое с ним происходило как бы не совсем по его воле, словно в нём проснулся другой человек и отдаёт ему беззвучные команды. Он больше не контролирует себя? Этого ещё не хватало.

– При чём здесь это? – разочарованно вздохнула Майя.

– Пытаться свергнуть власть сейчас – самоубийство. – Артём облокотился на стол. – Силы неравны.

– Самоубийство – это полагать, что без активного протеста можно добиться изменений. – Виктор энергично допил то, что оставалось в рюмке. – Ваше поколение так и действовало. И что?

– А ваше поколение что предлагает? Громить витрины? Как в Париже?

– Хотя бы как в Париже. – Виктор изобразил на лице гримасу предельного утомления.

– В Париже это ни к чему не привело, – неожиданно поддержала Шалимова Соня. – Сначала надо заразить как можно больше народу, чтоб наверняка. А уж на улицы найдётся кому выйти. Из нас бойцы так себе. Если только Виктор... Так что, – она повернулась к Артёму и вопросительно оглядела, тот буркнул: «Артём Сергеевич», – Артём Сергеевич не так уж не прав. Хотя в Париже власть тоже сильна.

– Там всё другое. – Небретских нахмурился. Ему пришлось не по вкусу Сонины слова.

Артём больше в обсуждениях не участвовал. Когда все разошлись, сговорившись снова встретиться здесь же через неделю, Соня помогла Артёму с Майей убратся в кабинете и упорхнула, звонко чмокнув Майю в щёку.

У Артема никто не поинтересовался, возможна ли следующая встреча. Располагаются его кабинетом как своим.

– Вот теперь я зверски проголодалась, – изрекла Майя словно максимум, которую всем необходимо знать и учитывать.

Она встала, чуть облокотившись на край стола.

Артём испытал облегчение, когда вольнодумцы наконец выкатились из его кабинета. Теперь он снова здесь полноправный хозяин. Он уже не сожалел, что Майя вовлекла его во всё это. Худшим виделся сюжет, в котором он оставался в неведении о её революционности. Как только он почувствует, что над Майей сгущаются тучи, вмешается. Как? Просто запретит ей продолжать заниматься чепухой. А если её арестуют? Попросит помочь своё начальство в департаменте. Его ценят. Может, у кого-то найдутся выходы на московскую полицию. Он всё объяснит. Он оправдает любимую, прикроет её. Даже если придётся взять кое-что на себя. Готов ли он к самопожертвованию? Да, да, да.

Решимость и нерешительность в нём бились друг о друга, как волны бьются о волнорезы.

Он приблизился к девушке. Она не пошелухнулась. Он набросился на её губы яростно, не намереваясь останавливаться. Майя отвечала сперва вяловато, потом разохотилась...

– Сейчас куда-нибудь сходим. Только сестре позвоню. – Артём с огромным усилием сдержал себя. Иначе они бы занялись любовью прямо здесь...

– Да, конечно. Скажи, что я тоже переживаю, – откликнулась Майя. Она взяла сумочку, достала зеркальце, посмотрелась в него, затем потянулась за помадой, отвинтила колпачок, чуть подвела губы.

Вера ответила почти без промедления:

– Да, Артём.

– Ты как?

– Расстроилась, что ты не позвонил, когда доехал. – Голос её и вправду звучал обиженно.

– Прости! Дела навалились. Как ты?

– Без особых изменений. Но по кредиту есть продвижения. Так что, возможно, скоро в Париж...

– Ну, держись. У меня всё нормально. Волнуюсь за тебя...

– Не волнуйся. Я так просто не сдамся...

Майя оделась.

– Как она?

– Она молодец.

Артём улыбнулся. Он гордился своей сестрой...

Лёд на Чистых прудах уже готовился к таянию. Кое-где виднелись полыньи, похожие на уродливые глаза.

Они выбрали ресторан «Шатёр», большей своей частью располагавшийся на воде. Уж больно уютно поблёскивали его огни.

Прошли вдоль пруда. Беспамятные спящие деревья ещё не представляли себе, что через пару месяцев проснутся и зазеленеют.

После того как они сделали заказ, Майя вперила в телефон. Видно было, что она с кем-то переписывается. На лице – выражение крайней серьёзности.

– Я тебе не мешаю?

– Это мама. – Майя подняла на него глаза – Не будь таким нетерпеливым. – Она положила телефон на стол экраном вниз. – Как ты полагаешь, убийцу Вики найдут?

– Я не знаю. Но у нас, похоже, убийц не находят, а назначают. Ты же час назад утверждала, что надо журналистское расследование инициировать?

– Не лови меня на слове. Я же не пророк! Но меня радует, что тебя не оставляют равнодушным наши дела, – по тону Майи не догадаться, действительно ли она рада, – хотя то, что ты сегодня лепетал, – ниже всякой критики.

– Это почему же? Твоя подруга Соня поддержала меня.

– Она не всерьёз. Из вежливости.

– Ну, тебе виднее. – Артём разозлился. – Ты меня совсем ни во что не ставишь! Собираешь у меня своих друзей чокнутых, а теперь ещё и посмешищем выставляешь. Не спрашивала бы тогда ни о чём. Надеялась, я поддержу ваши глупости? Хотела похвалиться мной? Извини, что разочаровал.

– Хамить не обязательно. Тем более в такой день, когда я потеряла подругу.

– У меня тоже не самый простой день, если ты не забыла.

Артём нахмурился. Дальше продолжать не имело смысла. Ничего не имело смысла. Всё разваливалось. Лучше бы они занялись сексом в его кабинете.

– Ты не забыл, что я сказала тебе в «Прайме»? Могу повторить. – Майя не собиралась останавливаться.

Официант расставлял тарелки, раскладывал приборы, наливал минералку в бокалы.

– Я просто прошу уважения к себе. По-моему, я делаю всё, что ты просишь. – Вряд ли имело смысл так резко сбавлять напор, но Артём так не хотел продолжать склоку.

– Мы готовимся к серьёзному прорыву! Мы войдём в историю. Мы – освободители. Как... – Она не нашла адекватного сравнения, но не огорчилась из-за этого. – И все эти условности – дерьмо... А ты сегодня завёл отвратную трусливую шарманку. Прямо тошно было слушать: «Исчерпала лимит на революции, нам не надо крови». В Кремле спят и видят, чтобы все так считали.

– Да я ничего и не говорю. – Он вспомнил, что не собирался выдавать Майе свои истинные намерения. Хуже будет, если сейчас они окончательно поссорятся.

– Вот и не говори. Лучше посоветуй, что мне писать под именем Вероники Трезубцевой. Ты же филолог. Я вот думаю, не погорячилась ли я, вызвавшись первой? Я рассчитываю на тебя, правда.

– Нет. Не погорячилась. – Артём искал нить, по которой мог бы вернуться к ней. – Напиши о смерти Вики. Ведь никто не в курсе, что она писала как Трезубцева.

Некоторое время Майя молчала. Неясно было, как она расценивает предложение Артёма. Потом она взвилась:

– Господи! Какая это пошлость! Ты же понимаешь, какая это пошлость, однако советуешь её мне. Ты издеваешься?

– В чём пошлость?

– В хайпе. Вика никогда бы так не поступила. Ты, похоже, ещё не отошел от своих самарских новостей. Успокойся уже. Сестра твоя жива. О ней есть кому позаботиться. Да и все мы смертны, в конце концов. Чему быть, того не миновать. Не люблю, когда мужики сопли пускают. Мне представлялось, ты не из таких. Ошибалась.

– Что? – Артём поднялся – Ты так о моей сестре?

– Да. О твоей сестре. – Майя холодно и не моргая глядела ему прямо в глаза.

Бывают в жизни мужчин такие ситуации, когда нет иного выбора, как встать и уйти. Обида придушила его. Заполнила целиком, не оставив внутри места, где бы не звучали паскудные и жестокие слова Майи Кривицкой. Он вытащил из кармана пяти тысячную купюру. Положил на стол.

– Рассчитаешься.
И быстро пошёл к выходу.
Любимая не окликнула его.

* * *

Елисеев попросил Шульмана поучаствовать в допросе Рахметовых. Раскручивали братьев по очереди. Начали со старшего. Тот, человек бывалый, побывавший на зоне, умел держаться в подобных ситуациях. Ничего не говорить, ни в чём не признаваться, на вопросы отвечать односложно. В мантру о помощи следствию и чистосердечном признании не верил. Действительно, на пакетах с героином их отпечатков не нашли, а с тела Вики всё смыла вода. Конечно, это не означало и непричастность к убийству. Да и статью за хранение им можно впасть только на основании того, что у них изъяли, без всяких церемоний. Однако вопрос был не в том, чтоб их закрыть, а в том, чтобы хоть что-то выяснить по поводу смерти Вики.

Старший стоял на своём: уехали навещать отца, вернулись, не успели оглядеться, тут налетели опера и повязали их. Елисеев скоро отчаялся хоть что-то у него выведать. Сложностей добавляло то, что они действительно были в Майкопе. И старший Рахметов что есть силы вцепился в эту единственную правду. Знал ли он, что их давно разрабатывали и доказывать, что они наркоторговцы, не требовалось? В розыске на них имелось достаточное количество материалов. Просто полицейские ждали большой партии, чтоб наверняка. Хотя... Ведь могли и на более мелкой, в принципе, взять. Тоже странно это как-то. Но сейчас не до этого. Им нужно понять, что случилось с Викой.

Когда старшего из братьев увели, Елисеев зло посетовал:

– Похоже, теряем время. Его послушаешь, какая-то хата получается сказочная. С чудесами. Наркотики попали в неё неизвестно как, Вика тоже. Чёрт! Не подкупаешься. Судя по камерам наблюдения, у Рахметовых были с собой только небольшие рюкзаки. В них столько герыча не пронесёшь. Да и небезопасно это так напоказ. Но как-то он попал к ним? Может, он там давно уже хранился? Всё какая-то чушь, фантазии. Ничего не связывается. Тебе не кажется?

– Скоро выяснится, – успокоил полковника Шульман. – Ты не думал, что, когда газовые трубы устанавливали, не тело Вики эти газовщики в квартиру доставили, а героин?

– Но кто-то должен был его принять?

– А тело нет?

Елисеев молчал. Его ужасало, что они не в состоянии даже представить картину преступления, у них нет ни фактов, ни свидетельств, их бросает от одной нелепицы к другой.

– Согласно камерам наблюдения, между возвращением братьев и прибытием оперов времени прошло около получаса. За это время можно тонну перегрузить, – продолжил Шульман. Потом подмигнул неизвестно кому: – Пора приниматься за младшего братца. Сдаётся мне, от него толку больше получим.

Младший Рахметов вошёл в комнату для допросов совсем не так, как только что входил его брат. Немного растерян: на лице выжидательная улыбка, повадка неуверенная; так ведут себя дети, что нашкодили и собираются извиняться.

Елисеев сменил тактику, рассудив, что Давид, возможно, прав. Младший не сидел и потому не имеет такого опыта отпираться от всего, как его брат.

Иван не давил, не напирал, располагая парня к себе, вопросы формулировал дружелюбно. Однако никаких очевидных результатов этот ход не принёс. Парень сначала будто чего-то ждал от следователей, но, не дождавшись, замкнулся. На все вопросы он отвечал ровно, твердил то же самое: уехали, приехали, сами в шоке, ничего не знаем ни о наркотиках, ни о девушке. За что их арестовали? Елисеев терял терпение:

– Ты же осознаёшь, что тебя закрыть можно за найденный героин? Лучше говори, как он к вам попал. Или считаешь, я поверю, что такую огромную партию кто-то вам в квартиру запихнул, а вы об этом ни ухом ни рылом?

Младший Рахметов впервые за беседу усмехнулся довольно нагло:

– Помощь следствию? Нет уж. Доказывайте, если сможете! У нас правовое общество. Разве нет?

«Надеются, что диаспора их вызволит, – предположил Елисеев. – Хорошо, что не запираются: ничего не скажем без адвоката. Мелкие сошки. Привыкли решать вопросы по-другому. Теперь очевидно: они точно в неведении относительно того, чья внучка Вика и как всё это для них серьёзно. Они не только не знают, чья внучка Вика, – они вообще её не знают».

* * *

Гибель Вики примирила генерала Крючкова с невесткой. Общие слёзы, общая боль. Сейчас они горевали на кухне в квартире на Цветном. Крючков, его сын Михаил, его жена Светлана и генерал Родионов. Размышляя о своих отношениях с Родионовым, Крючков никогда не назвал бы его другом дома, но сейчас вспоминалось, что он часто приглашался на большие праздники, семейные торжества, что его старый сослуживец наблюдал Вику в разном возрасте и теперь, в этом скорбном застолье, рассказывал об их общении увлечённо. Девочка поражала его интеллектом, самостоятельностью суждений, острым умом. Его присутствие в их квартире сейчас выглядело совершенно логичным, хотя пару часов назад сама мысль об этом показалась бы дикой. Они не обсуждали следствие – сейчас не место и не время. Но взглядами, движениями убеждали друг друга, что теперь связаны, что теперь это их общее дело. Родионов убеждал. Крючков соглашался.

– Я помню, как вы с Клавдией отмечали юбилей свадьбы, – обратился Родионов к Крючкову. – Вика тогда посвятила вам такие чудесные стихи.

– Да. Да. – Крючков закивал. Восстанавливал в памяти то давнее. Но оно перемешивалось с тем, что он прочитал у Вики в Телеграм-мессенджере.

Кто этот человек, что писал ей такие разнузданные вещи? Он явно им необходим. Скоро они его найдут. И расспросят, у какой такой библиотеки он её дождался? Судя по переписке, по её сексуальному напряжению, Вика находилась под влиянием этого парня. И никого не посвящала в это. А он ей писал, как жёстко будет с ней заниматься сексом. Чёрт!

Крючков боролся с собой. Вика давно выросла. Это было её личным делом. Но внутри всё скрежетало.

Родионов принёс с собой бутылку коньяка. Когда они вчетвером её допили, он обнял всех поочередно и откланялся.

Света почувствовала себя нехорошо и ушла в комнату.

Отец с сыном ещё посидели молча друг против друга.

Потом Михаил произнёс:

– Папа! Не умирай, пожалуйста. Пока рано.

* * *

На Покровском бульваре Бульварное кольцо сужается, словно готовится к тому, чтобы прерваться. Дома попали сюда из разных эпох: тут и причудливый, в чём-то совсем несостоявшийся, но везде заметный сталинский ампир, и доходные дома, оставшиеся в городе с царских времён, и брежневская кирпичная одноподъездная башня – верх элитарного строительства эпохи застоя.

Москва уже устала от зимы, утомлённый снег рад бы был уже растаять, но природа ему этого ещё не позволяла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.